Роман Глушков
ПОВОД ДЛЯ ПАНИКИ
РУССКАЯ ФАНТАСТИКА КОМИКС
БОЕВИК

Роман Анатольевич Глушков
Повод для паники

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130107
Глушков Р. Повод для паники: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-19808-3

Аннотация

Конец света наступил в шесть тридцать утра. Прекрасный Новый Мир в одно мгновение превратился в пылающий кровавый хаос, когда глобальная компьютерная система, контролировавшая все аспекты жизни человеческого общества, по неизвестной причине прекратила функционировать. На жилые районы обрушились межпланетные рудовозы, неуправляемые транспортные модули стали причиной страшных катастроф с многочисленными жертвами, уличные банды фиаскеров, наркоманов и мародеров захлестнули крупные города. Мир погрузился в анархию, однако и в это смутное время нашлись люди, способные навести порядок. Власть в свои руки берут реал-технофайтеры – гладиаторы будущего, люди, закованные в бронированные доспехи и вооруженные самым совершенным оружием. Капитану одной из гладиаторских команд Гроулеру предстоит выяснить, кто спровоцировал апокалипсис и чью волю выполняют его бывшие коллеги, внезапно ставшие для него смертельными врагами...

Содержание

Пролог 4
Часть I 12
Часть II 52
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Роман Глушков
Повод для паники

Пролог
Пятью годами ранее

Огонь… Бушующий океан огня. Стихия, поглотившая мир, – она могла бы уничтожить все живое за считаные мгновения. Но ей было попросту нечего уничтожать, поскольку жизнь в Преисподней отсутствовала. Единственными живыми существами, кому следовало бояться адского огня, являлись мы – вышедшие на бой реал-технофайтеры, однако огонь страшил нас в последнюю очередь. Оружие врага – вот чего мы действительно опасались. А угодить в огненное облако было уже не так страшно.

Бушующее вокруг пламя завораживало. Пламенем было объята почти вся Преисподняя, и наши доспехи из высокопрочного меркуриума также отливали мерцающим оранжевым светом. Поэтому все мы выглядели словно порождения огненной стихии – кровожадные демоны, не до конца принявшие человеческий облик.

Однако огонь не только завораживал. Он также отвлекал, слепил, накалял доспехи и порой вырывался наружу прямо из-под ног реал-технофайтера, заставляя того спешно ретироваться, иногда даже под выстрелы противника. Пламя било изо всех щелей практически непрерывно, словно две стихии – мрак и огонь – сошлись, как и мы, в непримиримой схватке до победного конца. Мрак имел бы шанс на победу, иссякни вдруг под землей те источники, что питали адское пламя. Но они, похоже, были вечными, как и сама Преисподняя…

Мое верное войско вошло в Преисподнюю изрядно потрепанным. Чтобы сражаться без потерь на нашей войне, надо было являться настоящим гением стратегии и обладать нечеловеческим боевым мастерством – то есть быть богом Войны. Мы не были богами, хотя находились люди, которые причисляли нас к таковым. Нам это льстило, и мы во что бы то ни стало старались соответствовать такому высокому статусу.

Без потерь не обходилось никогда, но таких потерь, как в эту весну, бойцы реал-технофайтинга еще не несли. Всему виной были абсолютно новые интерактивные доспехи «форсбоди-5», чьи испытания пришлось проводить в сжатые сроки. Так что полностью выявить все бреши в защите нам довелось уже в ходе настоящих боев, и расплачиваться за обнаруженные неисправности приходилось чрезмерно высокой ценой. Уже после первого сражения наши ряды покинули Леопард, Ти-Рекс и одна из тройняшек-Валькирий. Последующие схватки пополнили список потерь: Маховик, Милашка, Крэшер, Франкенштейн, Рапира, Стилфингер, вторая Валькирия… И я говорю только о тех, кого подвели недоработанные «форсбоди». Неудачников, павших от выстрелов врага, было гораздо меньше, но их уход с поля боя лишь усугублял и без того плачевную ситуацию.

Мой «форсбоди» тоже функционировал со сбоями. Система усиления движений «гиперстрайк», более мощная, чем в предыдущей модели, временами самопроизвольно сбрасывала настройки на максимум, отчего при сбоях каждое мое движение ускорялось десятикратно и едва не выворачивало суставы. В такие моменты мое поведение выглядело со стороны не вполне нормальным: я дергался и подпрыгивал, как перепуганный неврастеник, норовя сбить с ног кого-нибудь из собратьев по оружию.

Однако, несмотря на постигшие нас неприятности, нам повезло – мы все-таки добрались до финальной битвы. Вообще везение часто сопутствовало «Молоту Тора». Оно было с нами и в этой войне. Правда, со мной везение сыграло в Преисподней злую шутку, отвер-

нувшись в самый неподходящий момент. Фортуна отвернулась лишь на мгновение, но этой секунды хватило, чтобы моя жизнь изменила свой привычный ход.

Но все это случилось чуть позже, а сейчас восемь самых стойких бойцов «Молота Тора» во главе со своим капитаном шагнули в Преисподнюю, дабы доказать, кто в аду хозяин…

«Всадники Апокалипсиса», которые ворвались сюда из других ворот, превосходили нас по количеству, но это меня не особо пугало. На боевых аренах, наподобие Преисподней, количественный перевес играл второстепенную роль. Существенную пользу из него можно было извлечь только на открытом пространстве. Усеянная препятствиями и ловушками, Преисподняя не позволяла атаковать врага единым фронтом. Поэтому я разбил «Молот Тора» на четыре боевые пары, определил для каждой из них конкретные задачи и отправил бойцов в свободную охоту за головами врага, оставив прикрывать себе спину остроглазого Рамфоринха.

– Ну где же ты, Гроулер? – издевательски заскрипел в инфоресивере голос капитана «Всадников», хитрого Спайдермена. – Подходи, я вырву твои тупые клыки и воткну их тебе в глаза!

– Подвешу на собственной паутине и откушу твою мерзкую паучью голову! – прорычал я в ответ. – Ты зря сюда явился! Ад – мой!..

Традиционный обмен любезностями между реалерами сражающихся сторон – своеобразное состязание, за кем останется последнее слово. Будь моя воля, я бы обходился и без этих дешевых эффектов: правда – она не в словах, а в кулаках. Но не я диктовал здесь правила, так что мне оставалось лишь подчиняться давно принятым законам реал-технофайтинга.

– Ад был твой! – откликнулся Спайдермен. – Я забираю его у тебя!

– Попробуй, ублюдок!..

Дань традициям отдана, наконец-то можно сосредоточиться на деле. Главное в Преисподней – находиться в постоянном движении. Снайперы – настоящее проклятие для любого штурмовика – чувствуют себя здесь не очень вольготно, поскольку яркие вспышки огня их ослепляют и мешают целиться. Да и притаиться в укромном темном месте у них не получается – мест, пригодных для снайперских укрытий, в Преисподней попросту нет. Поэтому снайперы по обе стороны фронта единодушно решили отложить сегодня винтовки и взять в руки что-нибудь не столь точное, но более скорострельное.

Первое наше столкновение с вояками Спайдермена дало понять, что враг предпочитает маневрировать не двойками, а тройками. Однако неграмотное распределение оружия между бойцами попавшейся нам на пути тройки свело на нет все их преимущество. Три ракетницы в группе – на мой взгляд, явный перебор. Суматошный залп «Всадников», произведенный навскидку, поднял столько пыли, что, пока она оседала, мы с Рамфоринхом, наверное, успели бы попить кофе. Но мы предпочли рационально использовать момент и, не дожидаясь второго – прицельного – залпа, перегруппировались в соответствии с заранее оговоренной тактикой.

Уверенные в огневом и количественном превосходстве, бойцы Спайдермена, по логике, обязаны были расстреливать нас ракетами до полного уничтожения, не вдаваясь в сложные тактические сценарии. Чудовищная плотность открытого по врагу огня всегда дает излишнюю самоуверенность – знаю по личному опыту. Опьяненные собственным могуществом, «Всадники» именно это сейчас и чувствовали. Три их ракетницы, не слишком скорострельные по отдельности, в связке били практически беспрерывно. Противник видел цель и не задумываясь атаковал ее всеми доступными способами.

Атаковал, верил в скорую победу и не подозревал, что уже играет по нашему сценарию. Вооруженный световым блайндером, оставленный мной на защищенной позиции, Рамфо-

ринх дождался, пока канонада на миг смолкнет, после чего несколько раз выстрелил по врагам. Напарник не стремился кого-либо из них ослепить, да и поднятая пыль мешала ему стрелять точно, он просто сверкнул лучом, дабы отвлечь огонь на себя. Наводка на цель удалась, и ракетницы заработали с удвоенной яростью.

Пока Рамфоринх отвлекал вражеское внимание, я включил форсаж на своих интерактивных доспехах и под прикрытием живописных развалин крепостной стены (откуда в Преисподней могли взяться крепостные стены? впрочем, задумываться об этом было некогда) тремя длинными прыжками обогнул бойцов Спайдермена с фланга. Передо мной из-под земли полыхнуло огромное облако пламени, но я, задержав дыхание и на миг зажмурив глаза, проскочил прямо сквозь него. Прозрачное забрало шлема спасло меня от ожога, однако ударивший в лицо жар все же опалил ресницы и брови. Риск моего отчаянного поступка был вынужденным – каким бы шустрым ни являлся Рамфоринх, против трех ракетниц ему долго не выстоять.

Я материализовался за спинами «Всадников» из огня, будто бескрылый феникс, и, не дав противникам обернуться, открыл по ним шквальный огонь из обоих стволов своего «кальтенвальтера», легкого оружия, выпускающего за выстрел порядка полусотни маленьких ампул, начиненных «венериными слезами» – жидким веществом с планеты Венера, которое при контакте с земной атмосферой моментально затвердевает. Картечь из кварцевых ампул ударила по доспехам вражеской троицы, покрывая их бирюзовыми фосфоресцирующими кляксами – коварные «венерины слезы» вступили во взаимодействие с земным воздухом…

Уже через три секунды передо мной стояли не грозные «Всадники Апокалипсиса», а неподвижные истуканы. Я намеренно не целил им в головы, иначе быстро твердеющее содержимое ампул угодило бы врагам в дыхательные пути. Я не намеревался убивать этих ублюдков. Да и был ли в этом смысл, если после смерти они снова очутились бы в аду?.. «Всадники» были полностью парализованы, однако находились в сознании, вращали головами и осыпали меня уже не ракетами, а проклятиями, которых я, естественно, не боялся. Вражеские доспехи покрывала блестящая бирюзовая корка, сравнимая по прочности с закаленной сталью.

Я издал грозный рык, и он, усиленный громкой связью, раскатами разнесся по Преисподней. Мой победный клич заставил бы содрогнуться даже Дьявола, находись он в этот момент где-нибудь поблизости.

Только в этом аду правил бал вовсе не Дьявол, а человек.

– Брэк, Гроулер! – скомандовал Хатори Санада. – Чистая победа! Три очка в твой актив и два бонусных за мультиубийство! Продолжайте игру!

Турнир для поверженных «Всадников» завершился. Впереди их ожидала долгая процедура раздевания в зале техобслуживания стадиума «Сибирь», и, что самое обидное, проводить раздевание будут не обольстительные красотки из группы поддержки, а бездушные модули с плазменными резаками.

Едва моя отчаянная атака увенчалась победой, как место нашего скоротечного боя накрыл изоляционный купол арбитра. Все, что скрылось под куполом, – бранившиеся побежденные и суетившиеся вокруг них модули медконтроля, – уже не предназначалось для глаз болельщиков и в трансляцию игры не попадало. Мелкие автоматические шоу-трансляторы, что сновали над полигонами стадиума и всегда успевали убраться с пути игрока, направили свои беспристрастные взоры в другую сторону, а турнир-корректоры у монтажных пультов создавали виртуальный финал схватки, так называемую мираж-версию: «Всадники» замерзают и превращаются в ледяные скульптуры, после чего с хрустом разваливаются на бесформенно-кровавые куски льда. Что поделаешь – законы арены: нельзя в реалтехнофайтинге без эффектной концовки, пусть даже разыгранной не людьми, а их виртуаль-

ными двойниками. И хоть в отличие от гладиаторов древности реалеры проливают кровь только по неосторожности, как и тысячелетия назад, публика требовала зрелищ, и обязательно кровавых…

Что ж, в этот вечер зрителей ожидал достойный подарок: финальный капитанский поединок, который с тех пор и стал главной мишенью для нападок всех противников нашего жесткого вида спорта.

Все могло обойтись без жертв, не столкнись мы со Спайдерменом лицом к лицу в каких-то бутафорских горящих руинах. Турнир шел уже без малого час, и в каждой из команд к тому времени оставалось примерно по половине от первоначального состава игроков. Страсти накалялись, поскольку победитель турнирного сезона не определился пока даже приблизительно. «Всадники Апокалипсиса» так и воевали с количественным перевесом, однако ставки на них были ниже – болельщики продолжали верить в успех моего «Молота Тора», бессменного чемпиона предыдущих восьми сезонов.

Едва мы с Рамфоринхом собрались наброситься из засады на крадущегося мимо Спайдермена и его бойцов, как нас накрыло изо-куполом, а все ближайшие шоу-трансляторы тут же переключились на оставшихся снаружи игроков. Повинуясь команде арбитра, мы прекратили начатую было атаку – весьма перспективную, надо сказать, – и опустили оружие, злобно взирая на противников, только что заметивших наше появление.

Это лишь для болельщиков бои в реал-технофайтинге протекают динамично и красиво. В действительности все обстоит слегка иначе, и в трансляцию никогда не попадают сцены, когда недовольные произволом арбитра игроки бранятся с ним порой по нескольку минут кряду. Вот и сейчас мы с Рамфоринхом долго не могли успокоиться, брызгали слюной и выказывали недовольство сорванной атакой, на подготовку которой ушло столько времени и сил. Мы ругались под изоляционным куполом, проклиная эти дурацкие порядки и растрачивая понапрасну боевую ярость, но умом осознавали, что по-нашему все равно не выйдет. Если всевидящий и всезнающий арбитр Хатори Санада решил драматизировать финал турнира, значит, так оно и выйдет. Будем плясать под его музыку и никуда не денемся – таковы условия контракта, спорить с коими значило здорово осложнить себе жизнь.

Арбитр Хатори терпеливо переждал волну нашего негодования, после чего бесстрастным голосом отдал распоряжение капитанам команд начать рукопашный поединок. Наше мнение его, как всегда, абсолютно не интересовало. На терминалах турнир-корректоров уже проектировалась мираж-версия, обязанная «закрасить» последние минуты игры. В этой версии виртуальные двойники Гроулера и Спайдермена не отпускали в адрес арбитра проклятия, а вызывали друг друга на последнюю схватку, что должна была определить исход финала. Нам оставалось только в сердцах плюнуть себе под ноги и организовать перед шоу-трансляторами драку на кулаках – и непременно красивую драку! – которую турнир-корректоры незаметно состыкуют с уже готовой виртуальной сценой-вступлением.

А вы, наверное, думали, что реал-технофайтинг – спорт чистой воды и ничего более? Не спорю, элементы реального состязания в нем безусловно преобладают, но, согласитесь, наивно полагать, что кто-то отважится пустить на самотек такое масштабное и дорогостоящее действо. Для того и нужны невидимые турнир-корректоры, чтобы подавать зрителю к столу не недожаренный суррогат – тупую потасовку с оружием, – а изысканное блюдо – зрелище, поставленное по всем канонам развлекательного жанра. Поэтому каждый из реалеров является не только натасканным на драку бойцом, но и артистом. Весьма узкоспециализированным, но все-таки самым настоящим артистом.

Рамфоринх и «Всадники» отступили, а остальные разбежавшиеся по Преисподней реалеры получили приказ прекратить сражение. Выстрелы, разрывы и лучевые вспышки утихли, и пока мы со Спайдерменом кружили по площадке, стараясь свирепыми взглядами подавить друг друга морально, возле нас собрались наши оставшиеся в строю немногочис-

ленные товарищи по командам. Реалеры не кричали и не бесновались, как вели бы себя на их месте болельщики, они просто сгруппировались по разные стороны площадки и с угрюмой усталостью наблюдали за поединком. Но их молчаливая поддержка была тем не менее ощутима и придавала нам сил.

Спайдермен так же, как и я, включил гиперстрайк на полную мощность и выпустил из наручей на кулаки защитные меркуриевые накладки. Поставь нас сейчас работать в паре вместо модуля-тоннелепрокладчика, и мы бы, наверное, за сутки пробили одними кулаками сквозной тоннель даже в Эвересте. Однако вместо этого приходилось бестолково колошматить друг друга.

Наш поединок со Спайдерменом чем-то напоминал столкновения двух раскрученных стальных шаров. Маневрируя на предельной скорости, мы периодически сокращали дистанцию, обменивались сериями сокрушительных ударов, после чего, отброшенные мощью вражеского гиперстрайка, разлетались в разные стороны, чтобы через мгновение вновь броситься в атаку. Нападая на Спайдермена, я будто бросался под винт гигантского пропеллера. И все же новый «форсбоди», при всех его недостатках, нравился мне больше предыдущей модели: вмятин на панцире и шлеме почти не оставалось, а система амортизации пропущенных ударов работала мягче. Даже вышибающие искры из глаз удары накладкой в голову уже не казались столь опасными, поскольку превосходно сдерживались усовершенствованным шлемом и защитным воротом-стабилизатором позвоночника.

Режим полного погружения, пребывая в котором большинство болельщиков реал-технофайтинга следили за турнирами, не давал и половину тех ощущений, какие испытывал на арене реалер. Тоже мне, полное погружение – наблюдать за схватками посредством широкодиапазонного инфоресивера, вделанного в шлем игрока. Самому же при этом сидеть дома в мягком кресле и периодически вздрагивать, когда через гипносенсоры тебя вдруг охватит внезапный приступ боли или страха, переживаемый реалером наяву. Ощущать полное погружение было дано лишь тем, кто действительно присутствовал на полигонах, – нам, игрокам.

Я сомневался, что болельщики, настроившие инфоресиверы на мой канал, переживают сейчас те же чувства, что и капитан «Молота Тора» Гроулер. Болельщики ощущали жар бушующего пламени, особо рисковые могли даже доплатить за экстремальное погружение и получить сымитированный гипносенсорами ожог, но, как бы то ни было, все они только наблюдали за турниром издали. По справедливости, это болельщиков следовало считать игроками. Они делали ставки, впадали в азарт, ликовали и огорчались. В общем, наслаждались игрой, как могли. Реалеры олицетворяли для них обычные фишки, двигающиеся по игровому полю. Ладно хоть принимать самостоятельные решения этим фишкам пока никто не запрещал, а иначе они бы и вовсе превратились в бездушные модули, подчиняемые прихотям болельщика. Во что-то наподобие искусственных виртоличностей, только обладающих настоящими человеческими телами.

Впоследствии мне рассказали, что поначалу болельщики были в восторге от этого поединка. Юркие шоу-трансляторы демонстрировали бой во всевозможных ракурсах, смаковали при помощи замедленных повторов самые сногсшибательные моменты, а турнир-корректоры добавляли в действие разнообразные эффекты, вроде хищного блеска наших глаз или громоподобного эха ударов. Сам я этот бой в записи так и не видел, хотя нередко тешу самолюбие, пересматривая собственные боевые триумфы.

В тот день меня тоже ожидал триумф, но, будь моя воля, я бы согласился вычеркнуть из своего послужного списка половину заслуженных побед, лишь бы титул чемпионов в том сезоне завоевали «Всадники Апокалипсиса». Не пристало, конечно, так говорить некогда прославленному капитану реал-технофайтеров, и все-таки это истинная правда…

Я не снимал и не снимаю с себя ответственности за гибель Спайдермена. Я убил его в бою, причем сделал это жестоко и беспощадно. И пусть расследование доказало, что причиной смерти капитана «Всадников» стал мой плохо отрегулированный «форсбоди», тем не менее тот убийственный удар, что свернул шею моему противнику, нанес я. Вполне вероятно, что Гроулер оказался единственным убийцей, которого маршалы не занесли в Красный Список за последние пару веков. Не много ли чести негодяю? Негодяй думает, что много, но маршал, который вел расследование, считал иначе. А кто еще знает всю правду, если не он?

Почему с головы Спайдермена сорвало шлем, маршал тоже выяснил: сломалось крепление, оставленное в «форсбоди-5» без изменений и не выдержавшее повысившейся мощи нового гиперстрайка. Когда это произошло, я как раз шел в очередную атаку, задействовав функцию «лонгджамп» – усилитель горизонтальных прыжков. Согласно турнирным правилам, анализатор физического состояния противника у меня был включен. Так что я исправно зафиксировал нарушение техники безопасности – слетевший с головы врага шлем. После такого экстренного случая наши «форсбоди» обязаны были блокироваться, арена – очутиться под изо-куполом, а арбитр – предоставить Спайдермену исправный шлем. Но, как я уже упоминал, мой гиперстрайк был подвержен непредсказуемым сбоям, происходящим именно на полной мощности. Утративший шлем противник застыл в неподвижности возле каменной колонны, однако мой кулак реактивным снарядом продолжал нестись к его голове. Блокировка моего «форсбоди» бездействовала, а я был слишком возбужден, чтобы вовремя среагировать…

Впрочем, никто в то мгновение не среагировал: ни арбитр, отвечающий за изо-купол, ни турнир-корректоры, исправляющие накладки в трансляции, ни сам Спайдермен, чей заблокированный «форсбоди» не позволял ему уклониться даже на сантиметр. Летальный исход для лишенного шлема противника был неминуем.

Какой бы обширной ни являлась база спецэффектов у турнир-корректоров, какие бы эффектные сцены расчленений там ни присутствовали, вряд ли среди них отыскалось бы что-нибудь подобное. Сотни тысяч подключенных к моему инфоресиверу болельщиков не сразу догадались, почему показанная им концовка выглядит столь бледно и непривлекательно: кровь не разбрызгивается живописным фонтаном и голова моего врага не слетает эффектно с плеч, а, вывернутая под неестественным углом, остается на месте. Болельщикам «Молота Тора» и прочим жителям планеты еще предстояло осознать ужасающую правду, которую уже нельзя было скрыть. В Едином Информационном Пространстве сенсационные новости разлетаются быстро.

Зато несколько тысяч поклонников Спайдермена, заплативших немалые суммы за экстремальное погружение, лишились чувств прямо в своих домашних креслах и потом, придя в сознание, долго не могли вернуться к нормальной жизни. Испытанное ими погружение получилось воистину экстремальным: пережить ужасную смерть и затем воскреснуть – такой экстрим выпадает далеко не каждому любителю острых ощущений. Выдержать подобное без последствий для психики сложно.

«У всякой причины есть следствие» – гласила истина, преподанная мне впоследствии моим другом Наумом Кауфманом. О последствиях этой трагедии я могу рассказывать намного дольше, чем о ней самой, но о них несложно догадаться и так.

Без преувеличения будет сказано: шумиха поднялась всепланетная. Еще бы, на глазах миллионов людей произошло умопомрачительное событие – человек убил человека! Вероятно, в дикую эру Сепаратизма, когда подобное происходило на каждом шагу, смерть на спортивной арене не вызвала бы такого бурного общественного резонанса. Но в гуманную эру Великого Объединения слово «убийство» звучало столь же экзотично, как «насморк» или «нищета». То есть что-то абсолютно ненормальное, частица прошлого, по странному капризу Истории угодившая в наш мир. Нет, конечно, убийства, в основном непредумыш-

ленные, происходили и сегодня – как встречались порой несчастные, что заболели насморком или погрязли в нищете, – однако явления эти носили единичный характер. Убийство – редчайшая злокачественная аномалия, причина которой расследовалась маршалами, хранителями закона и составителями Красного Списка.

Ведший надо мной следствие маршал был первым, кто помимо самых истовых болельщиков «Молота Тора» публично признал меня невиновным. Прежде всего с ним не соглашались «Всадники Апокалипсиса» и их поклонники. Они выражали протест яростнее всех. Болельщики и члены остальных команд также осуждали меня, но делали это все-таки сдержанно, без обвинений маршалов в некомпетентности. Некоторые из бойцов моей команды покинули ее в знак протеста, но большинство предпочли остаться – ребята трезво оценили степень вины своего капитана, понимая, что тот злосчастный «форсбоди» мог достаться любому из них.

Противники реал-технофайтинга злорадствовали и вопили на всех углах, что произошло закономерное явление, которое рано или поздно просто обязано было произойти, а потому «самый дегенеративный из всех видов спорта» нуждается в скорейшем запрещении. Остальная общественно активная часть землян, до сего дня равнодушная к реал-технофайтингу, после всего произошедшего любви к нему, разумеется, не обрела. Эти люди также не остались в стороне и внесли посильный вклад в общий ажиотаж. «Такой реал-технофайтинг нам не нужен!» – под этим девизом человечество жило целый месяц после трагедии. Имя Гроулера склонялось в Едином Информационном Пространстве где только возможно и угрожало превратиться в нарицательное, войдя в современный лексикон подобно именам Ирода и Дракона.

Арбитр Хатори Санада невозмутимо хранил молчание, и его личное мнение насчет произошедшего так и осталось для меня загадкой. Оправдательный вердикт маршала не позволил отстранить меня от участия в дальнейших турнирах. Наоборот, на волне яростных дискуссий и скандалов наш спорт привлек к себе еще большее внимание, поэтому в следующем игровом сезоне количество проданных лицензий на полное и экстремальное погружение побило все рекорды. Казалось бы, парадокс, но тем не менее, как показывает история, похожие парадоксы случались и прежде. Вот уж и впрямь, нет худа без добра, да простит меня за столь циничные слова покойный Спайдермен – великий реалер, ставший жертвой фатального стечения обстоятельств.

Но, к глубокому разочарованию всех неофитов-болельщиков реал-технофайтинга, главный персонаж следующего сезона – то есть я – не оправдал возложенных на него надежд. Гроулер не только не подтвердил свой неофициальный титул кровожадного маньяка, но и вообще не вывел «Молот Тора» в победители, проиграв в полуфинале. Безусловно, я старался, чтобы мои личные проблемы никоим образом не отразились на игре команды, но увы… С тех пор мы больше ни разу не надевали Золотые Венки триумфаторов.

Удивляюсь, почему бойцы «Молота Тора» продолжали терпеть меня на посту капитана. Еще сильнее удивляюсь, почему с ними была солидарна часть болельщиков, продолжавшая верить в меня вопреки нашим хроническим неудачам.

Не удивляюсь только своей беспринципности, из-за которой не смог добровольно покинуть капитанский пост, хотя после каждого проигранного сезона моя совесть – вернее, ее черствые заплесневелые остатки – подталкивала меня на этот шаг. Но эгоист Гроулер упрямо держался за насиженное место, ибо сроднился со своей заслуженной в боях привилегией. Я был незаконнорожденным, отчего в детстве меня лишили права носить отцовскую фамилию, поэтому и имел наглость считать звание «капитан» своим вторым именем. Так что упрямство мое было вполне объяснимо и в какой-то степени простительно.

Тяжкое испытание, которое мне довелось пережить на спортивной арене пять лет назад, оказалось, к сожалению, не последним, что было уготовано капитану Гроулеру в этой

жизни. Шок от причастности к нелепой смерти собрата по оружию не шел ни в какое сравнение с ужасами Апокалипсиса, что обрушился на наши головы в это, казалось бы, вполне обычное лето. Тысячелетиями человечество готовилось к наступлению Конца Света, а он, вопреки всем предсказаниям, явился оттуда, откуда его никто и не ожидал…

Часть I
НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТ

Весьма вероятно наступление невероятного.
Агафон, древнегреческий трагик

Где стол был яств, там гроб стоит.
Г. Р. Державин «На смерть князя Мещерского»

Азия. Гигаполис Западная Сибирь. Эра Великого Объединения

Апокалипсис случился в шесть тридцать утра, поэтому начало такого знаменательного события я банальным образом проспал. Не могу сказать, трубили ли тогда архангелы, но, по всей видимости, – нет. Сплю я чутко, и рев архангельских труб расслышал бы однозначно. Так что переломный момент мировой истории в моей памяти не отложился, хотя впоследствии я ни разу об этом не пожалел. Некогда было жалеть…

Мое последнее воспоминание о Привычном Старом Мире было связано с Сабриной. Она проснулась рано, чмокнула меня в щеку, привела себя в порядок и убежала к инстант-коннектору. Сабрина жила в Баварии, и хоть добираться туда по межконтинентальному хайвэю было от силы полчаса, подруга дожидалась моего пробуждения только по выходным. В остальные дни наше прощание всегда происходило так, как сегодня.

Сабрине было двадцать четыре года, и она спешила на Службу. До отставки ей оставалось еще шесть лет, а потом, как и все отставники, она собиралась всецело отдаться любимому делу, посвятив ему остаток жизни. Так по крайней мере она мне пообещала. В свободное от Службы время Сабрина возглавляла ассоциацию болельщиц команды реалеров «Молот Тора», а в будущем намеревалась создать музей своих кумиров, дабы сберечь память о них на века. Мне, как капитану «Молотов», идея подруги импонировала. Я не сомневался, что у Сабрины все получится – она была чертовски целеустремленной девушкой. Она даже периодически выпрашивала у меня для будущего музея кое-какие личные вещи. Впрочем, в последнее время меня терзали смутные сомнения, что все эти отслужившие свой срок бытовые мелочи не приберегались Сабриной для музея, а расходились по рукам ее многочисленных подруг – таких же, как она, ярых фанаток реал-технофайтинга и его героев.

Традиционный прощальный поцелуй Сабрины в то утро оказался символичным. Словно не она, а целый мир попрощался со мной и исчез в никуда, оставив меня досматривать сладкий предрассветный сон в полном неведении относительно происходящего наяву.

– До завтра, Гроу, – промурлыкала Сабрина, нежно кусая меня за ухо. – И будь другом, смени себе окрестности. Альпы – это такая скука…

«Прощай, Гроулер! – злобно оскалился Привычный Старый Мир. – Прощай, жалкий капитан аутсайдеров! Отныне игры кончились, добро пожаловать в реальность!»

Его циничной усмешки я не разглядел…

Межсезонье в турнирах я любил прежде всего за возможность отоспаться, поэтому редко когда просыпался в эти месяцы раньше полудня. Можно было, конечно, нежиться в постели и дольше, но срабатывал своеобразный инстинкт – едва наступал полдень, меня начинали мучить беспричинные угрызения совести. Находясь в блаженной полудреме, я обзывал себя безвольным слабаком, лежебокой, лентяем и другими справедливыми эпитетами. Средство для успокоения капризной совести существовало – скорейший подъем,

тонизирующая камера, полчаса пробежки по кольцеобразному климат-полигону при смоделированном внутри него встречном ветре (спасибо нашему арбитру – он распорядился оборудовать этим дорогостоящим тренажером дом каждого реалера, дабы мы заботились о поддержании турнирной формы и в межсезонье), затем снова тонизирующая камера в сочетании с классическим водяным душем… В общем, через час нытье совести прекращалось и не давало о себе знать вплоть до следующего утра.

Не открывая глаз, я потрогал уже остывшую вторую половину кровати и убедился, что чуда не произошло – Сабрина не осталась. После этого я с некоторым огорчением разомкнул веки и, как обычно, приказал:

– Бэримор, время.

Произошло другое чудо. Бэримор – мой бессменный виртуальный дворецкий, обитавший в системе жизнеобеспечения особняка со дня его постройки, – молчал, словно был живым человеком и по какой-то причине сильно на меня обиделся.

– Бэримор, время! – уже громче повторил я.

Бэримор не реагировал. Уж не умер ли он там случайно у себя в виртомире? Что делать в случае смерти бестелесного дворецкого, я понятия не имел. Оставалась надежда, что виртоличность отключила войс-командер в связи с самопрофилактикой, но раньше Бэримор этим в присутствии хозяина никогда не занимался.

– Бэримор!.. – сострожился я, рывком усаживаясь на кровати. Остатки сна улетучились. – Бэримор, время! Бэримор, свет! Бэримор, сектор новостей! Бэримор, в режим голо-проекции!.. Бэримор, да проснись же наконец!

Совершенный идиотизм – приказывать проснуться тому, кто никогда не спит, однако от растерянности я даже не замечал, что за ерунду выкрикиваю.

Одетый в доисторический сюртук, невозмутимый старик с орлиным носом и окладистой седой бородой – привычная оболочка-скин виртоличности Бэримора, – так и не материализовался передо мной в голо-проекции, хотя, совершенно сбитый с толку, я даже пригрозил заменить его на длинноногую грудастую горничную Матильду – самый популярный скин прислуги в этом году. Мне давно рекомендовали сексапильную Матильду, но я почему-то жалел старину Бэримора и не собирался менять проверенного временем служаку на броскую новинку. Однако теперь, кажется, для этого настал подходящий момент.

Инфоресивер лежал под рукой, в стенной нише. Ничего страшного, сейчас подключусь к «Серебряным Вратам», вызову Контрольную Службу и, если ей не удастся вернуть к жизни Бэримора, потребую заменить старика на Матильду. Знать бы еще, как это делается – раньше по поводу всех возникающих проблем беспокоился сам виртуальный дворецкий. Он следил за порядком, оплачивал счета, закупал пищу, управлял кухонным комбайном и добросовестно выполнял прочие свои обязанности.

Проклиная так некстати почившего в бозе Бэримора, я привычным движением прилепил к виску биомагнит инфоресивера и постарался не моргать, ожидая, когда сенсор считает с радужной оболочки глаза данные моего персон-маркера. После чего «Серебряные Врата» гостеприимно распахнутся для капитана Гроулера, а в ушах зазвучит музыка заставки-приветствия; в нынешнем году это был Бетховен. Затем перед глазами, как обычно, возникнет полупрозрачная вуаль пикчерз-креатора – пикра, – предоставив в мое пользование суфлер войс-командера. На нем – полный перечень дозволенных мне в Открытой зоне виртомира команд. Останется лишь выбрать нужную и ждать помощи…

Меня подстерегал второй сюрприз, тоже не из приятных, – ничего из ожидаемого не произошло. Инфоресивер, он же ключ от «Серебряных Врат», наотрез отказался крепиться к виску и окоченевшим пауком упал рядом со мной на кровать, беспомощно задрав вверх три биомагнитные «лапки» и рамку пикра. Я смотрел на инфоресивер, открыв рот от изумления, ибо, прожив на белом свете тридцать с лишним лет, просто не помнил случая, чтобы ключ

когда-либо вел себя подобным образом. Для меня это было равносильно тому, как если бы он не упал на кровать, а взлетел в воздух и прилип к потолку. Возможно, на антигравитационных аттракционах такие фокусы считались в порядке вещей, но только не в моем доме.

Я с опаской переложил ключ на ладонь, будто он и впрямь был впавшим в анабиоз ядовитым тарантулом. Обычно подсвеченные зелеными микролайтерами, сейчас биомагниты ключа были матово-черными, словно покрытыми копотью. Я коснулся их пальцем, все еще не веря в происходящее. Только теперь на меня повеяло холодом первого предчувствия грядущей трагедии: ТАК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ, ПОТОМУ ЧТО ЭТО НЕВОЗМОЖНО В ПРИНЦИПЕ. Солнце не восходит на западе, а люди не имеют перьев – это аксиома. Инфоресивер работает всегда – это тоже аксиома. Ключ ломается только в случае, если приложить к этому максимум усердия – потоптаться по нему ногами или бросить в огонь.

В любой момент я мог угодить в беду и лишиться зрения или слуха – для игрока в реалтехнофайтинг это далеко не призрачная угроза. Однако даже самый простенький инфоресивер легко компенсировал бы мне утраченные чувства. Да что там говорить – для меня ключ всегда олицетворял собой такой же неотъемлемый орган современного человека, как глаза, уши и персон-маркер. Именно посредством инфоресивера я считывал данные с персон-маркера любого встречного незнакомца. Уже через секунду я знал, кто передо мной, его краткую биографию, характер и привычки. Равно как и встречный знал обо мне все что положено.

Но самое главное – ключ открывал для меня «Серебряные Врата». И если простая неисправность инфоресивера приравнивалась к утрате зрения и слуха, утрата связи с «Вратами» была не чем иным, как потерей памяти. Практически полной ее потерей.

Получалось, что в это солнечное летнее утро я одновременно ослеп, оглох и занедужил склерозом.

Я пощелкал ногтем по миниатюрному корпусу инфоресивера и по рамке пикра, лелея надежду, что это поможет. Необъяснимый, почти инстинктивный поступок, над которым я даже не задумался. Мертвый паучок от этого не ожил, что, в общем-то, не стало для меня откровением. Следующим инстинктивным желанием было разнести инфоресивер вдребезги, но от такого вандализма я воздержался. Нельзя унять головную боль, ударяясь лбом о стену – разбитая голова куда хуже мигрени.

– Спокойно, Гроулер, – сказал я себе. – Только спокойно. Проверь-ка еще разок, спишь ты или нет – возможно, тебе просто снится кошмар.

Щипок, которым я немилосердно наградил собственный нос, вернул бы к жизни даже мертвеца. И все же для полной гарантии я ущипнул себя еще пару раз. И только когда из глаз покатились слезы, пришлось с прискорбием констатировать – кошмар происходит наяву. Кряхтя от боли и шмыгая покрасневшим носом, я свесил ноги с кровати и осторожно коснулся ступнями пола. Без привычного Бэримора и незримого присутствия «Серебряных Врат» этот омертвевший дом больше не вызывал у меня доверия.

Пол был холодным, из чего следовало, что система жизнеобеспечения также не функционирует. Впрочем, я этому особо не удивился – после уже пережитых неприятностей поразить меня сегодня еще чем-то было трудно. Так что все дальнейшие сюрпризы, обрушивавшиеся на мою голову, я воспринимал, стиснув зубы. Позволял себе лишь крепко выругаться, и то потому, что молча взирать на происходящее было по силам лишь хладнокровному человеку, каким капитан Гроулер никогда не являлся. А также он не являлся любителем долго раздумывать над проблемами, что и позволило ему в дальнейшем с честью выходить из трудных ситуаций. Парадоксально, но это так. Всегда и везде рубить с плеча – черта моего характера, ранее считавшаяся скверной, в Жестоком Новом Мире превратилась в истинную добродетель.

Вот в таком состоянии – с горящим от щипков носом и замерзшими от холодного пола ступнями – я и узрел в окно Апокалипсис. Правда, прежде чем он предстал перед глазами

во всей своей дикой красе, пришлось опять пойти на варварские методы. Затонированное на ночь золотистой дымкой окно спальни после отказа системы жизнеобеспечения так и продолжало оставаться непрозрачным. Команда, какая обычно отдавалась на этот счет Бэримору, не сработала. Я, конечно, подозревал, что она не сработает, но все равно попробовал – а вдруг?

Никакого «вдруг».

Выбивание окна не входило в мои планы, все случилось непроизвольно. Кто бы мог подумать, что на самом деле оконный кварц настолько непрочный – раньше-то я по нему никогда кулаками не стучал. И ведь не со злости ударил, а лишь слегка – авось да поможет. В отличие от инфоресивера, помогло. Не так, как ожидалось, но помогло – окно в Жестокий Новый Мир распахнулось, брызнув водопадом осколков под лучами полуденного солнца.

Вот таким – солнечным и теплым – встретил я обещанный тысячелетия назад Апокалипсис. По голубому небу плыли редкие белые облачка, дул ласковый ветерок, вокруг пели птицы. Природа радовалась погожему дню и не ведала, что населяющие мир высокоразвитые двуногие создания уже окрестили его Жестоким.

До того как я выбил окно, во мне еще теплилась надежда, что череда престранных неприятностей обрушилась только на мой дом – этакое редчайшее стечение роковых обстоятельств. Но едва передо мной открылась панорама окрестностей, надежда эта канула в небытие.

Я жил в престижном мегарайоне Западной Сибири, полностью отведенном под частные владения. Сказать, где именно жил, затрудняюсь: со времен всеобщего упразднения государственных границ и изобретения инстант-коннектора, инскона, послужившего основой основ Единой Транспортной Сети, такими вещами мало кто интересуется. Но по характеру местности – невысокие нагорья, чередующиеся с равнинами, – догадывался, что дом мой находился где-то на окраине нашего гигаполиса.

Ближайший отрезок межконтинентального хайвэя инскона пролегал южнее соседнего гигаполиса Алтай – по пятидесятой параллели – и разделял Казахстан на два гигаполиса: Северный и Южный. Идущие к хайвэю магистрали Западной Сибири сливались воедино с алтайскими и уральскими далеко отсюда. Так что помимо скромных «трубопроводов» местной Транс-сети никаких колоссальных, диаметром до полукилометра, линий межконтинентального хайвэя поблизости не наблюдалось и вида не загораживало. Далеко не каждый землянин мог похвастаться пейзажем почти девственной природы у себя за окнами.

Впрочем, имелся-таки один недостаток, который не позволял относить окрестный пейзаж к идиллическому: торчащие на горизонте высотные здания соседних, не столь престижных, мегарайонов Западной Сибири. Из-за этого нестройного, окутанного сизой дымкой каменного частокола я был лишен счастья в полной мере созерцать закаты солнца. Однако покидать тихий пригород и переезжать в высотный мегарайон по столь несущественной причине желание, естественно, отсутствовало.

И все равно, несмотря на живописные окрестности, я предпочитал пользоваться ландшафт-проектором, который создавал по всему куполу силового поля над моим жилищем панораму настоящей дикой природы. Ландшафт-проекторы имелись в каждом особняке нашего мегарайона, отчего, выйдя за границу своих владений, я всегда наблюдал одно и то же: купола силовых полей соседей, напоминавшие сотни больших пузырей на луже под дождем. Пузыри эти были не просто прозрачными, а переливались всеми цветами радуги. Именно так выглядело при взгляде снаружи голографическое изображение, проецируемое изнутри на защитные купола.

Я постоянно загружал в ландшафт-проекторы что-нибудь альпийское или скандинавское – обожаю суровую, скупую на краски северную природу. Сабрине не нравились мои

художественные пристрастия. Она называла их безвкусными и требовала для себя море, пальмы и песок. Я же ненавидел яркое солнце и буйство красок за окном – все это мешало мне нормально отдыхать, а отдыхать я любил в спокойных раздумьях, какие навевали на меня лишь сосны, снега и скалы мрачного севера.

Признаться, я уже здорово отвык от естественного, не скрытого виртуальным ландшафтом вида из окна своей спальни. Выстроенные в отдалении друг от друга дома соседей с окружающими их редкими деревьями, идеально прямая и уходящая за горизонт местная магистраль Транс-сети, неширокая речушка, чьи берега отделаны декоративным полимером, стилизованным под стриженую травку… Еще вчера вечером на этом месте возвышались снеговые шапки гор, искрился радугой далекий водопад, а кряжистые вековые сосны глядели с утесов в воды бурной горной реки – не чета той сонной протоке, что петляла теперь неподалеку, заключенная в полимерное русло. Неудачная метаморфоза, но я горевал по этому поводу недолго. На смену сожалению о погасшем ландшафт-проекторе подоспела очередная порция шокирующих впечатлений.

Ландшафт-проекторы отключились вместе с защитными полями, поэтому привычного, покрытого большими пузырями «водоема» теперь не наблюдалось в помине. Простые дома, выстроенные в более или менее одинаковом стиле, и никаких куполов над ними – ни радужных, ни прозрачных. Оставалось только обнести наши особняки архаичными деревянными оградками, и вот вам готовые декорации для исторического виртошоу на тему эры Сепаратизма, а конкретно – девятнадцатого – двадцать первого веков. Мы с Сабриной часто посещали такие шоу в развлекательном секторе «Серебряных Врат». Из того, что мне довелось там увидеть, я понял одно: в те века была не жизнь, а сплошные мучения. По мне, так уж лучше пожить денек-другой во времена, когда о двигателях внутреннего сгорания и слыхом не слыхивали, тогда хоть атмосфера была сродни нашей, а то и чище.

Пропавшие силовые купола больше не защищали наши дома от непрошеных гостей и непогоды, однако позволяли рассмотреть округу более тщательно, поскольку теперь не заслоняли множество мелких деталей. Я пригляделся, пытаясь отыскать на улице кого-либо из соседей, но никого поблизости не обнаружил. Откуда-то издалека раздавались взволнованные крики. Кричавший был мне не виден, и тем не менее причина его раздражения являлась понятной. Я и сам был весьма расстроен после всего, что пережил за истекшие пять минут.

Окрест царило безлюдье, даже возле стоянки ботов инскона не маячило ни одного человека. Боты застыли возле стартового шлюза стройной шеренгой, словно патроны в пулеметной ленте. Функционировал ли сам инстант-коннектор, определить было невозможно, но большие информационные пикры возле шлюзов не светились, а сигнальные лайтеры на ускорителях не предупреждали о том, что из шлюза в магистраль стартует очередной бот. Из всего этого я сделал вывод, что Транс-сеть, равно как и виртомир «Серебряных Врат», тоже переживает кризис. Об истинном масштабе кризиса я судил по тому факту, что два великих технических достижения человечества, чья исключительная надежность подтверждалась столетиями безупречной службы, вышли из строя одновременно. Даже мне с моим неоднократно контуженным и сотрясенным на турнирах мозгом хватило ума догадаться: такое совпадение отнюдь не случайно…

Глухой низкий звук, напоминающий далекие раскаты грома, донесся откуда-то с запада. Ничто не предвещало грозу, наоборот, яркое солнце немилосердно било мне в лицо и заставляло щуриться. Я приложил ладонь козырьком ко лбу, пытаясь отыскать вдали причину, что нарушила зловещую тишину сегодняшнего утра.

Причина вскоре отыскалась. Конечно же, это была не гроза. Когда до меня дошло, что я вижу именно то, что вижу, мысль о кошмарном сне снова начала перерождаться в уверен-

ность. Видеть наяву подобные вещи, пусть и издали, – огромное потрясение даже для такого черствого циника, как я.

Что-то огромное и объятое огнем неслось к земле из стратосферы, разваливаясь на части. От испуга я разразился ругательствами и решил было, что это прорвавшийся через Орбитальный Щит метеорит, но уже через секунду понял, что будь это железный подарок с небес, то на столь пространное ругательство у меня бы просто не хватило времени. Не слишком стремительно для метеорита падало увиденное мной нечто. Однако тем не менее падало, причем должно было грохнуться где-то поблизости. Не иначе в соседнем мегарайоне…

Перед тем как это произошло, я успел подумать, что было бы неплохо лечь на пол или еще лучше – выбежать из дома. Кто знает, что случится в момент столкновения этой чудовищной штуки с Землей? Будет ли ослепительная вспышка или всесокрушающая ударная волна превратит в пустыню все в радиусе сотни километров? Пришедшая в голову мысль была рациональной, но она безнадежно запоздала – на принятие мер безопасности у меня оставалось полсекунды. Какое тут бегство, и отвернуться-то толком не успеешь…

Поэтому я и не отвернулся, став свидетелем ужасной трагедии, развернувшейся в окне моей спальни.

Оставляя дымный след, нечто врезалось прямо в те высотки, что мешали мне любоваться закатами. Сразу же стали ясны размеры упавшего с небес тела: приблизительно как пара вместе взятых высоток, которые огненное нечто в мгновение ока погребло под собой. Но прежде чем до меня долетел грохот, а место падения окутала завеса пыли, мне удалось рассмотреть, на что было похоже развалившееся тело. Очертания его напоминали межпланетный рудовоз, какие бороздят Солнечную систему вот уже несколько веков, снабжая человечество тем, что оно давным-давно подчистую выбрало из недр старушки-Земли. По всей видимости, это и впрямь был рудовоз – иных логичных предположений не имелось.

Удар от столкновения рудовоза с Землей оказался настолько силен, что повлек за собой целую череду разрушений. Еще две из каменных громад, что маячили на горизонте, обрушились, медленно осев в плотных клубах пыли. Остроконечная верхушка одной из них завалилась на третью башню, более низкую и стоявшую практически впритык. Шпиль падающего здания чиркнул по крыше соседки и напрочь снес ей верхние этажи, сооруженные из кварца. Едва различимое отсюда облако кварцевых осколков сверкнуло на солнце подобно водяной пыли. Подкошенная ударом высотка содрогнулась, после чего начала рушиться, как и остальные. Неутихающий раскатистый грохот усилился…

Через полминуты на месте целого квартала высоких каменных башен не осталось ничего, кроме непроглядной пылевой завесы.

Такого шока мне еще не доводилось переживать. Я стоял, парализованный ужасом, с выпученными глазами и разинутым ртом, душа моя от всего увиденного ушла в пятки. В принципе разрушениями меня было не удивить. Случалось, что во время турниров мы, следуя сценариям игры, взрывали и обрушивали на полигонах довольно высокие постройки. Но все они были лишь искусно сооруженными декорациями, несравнимыми с настоящими городскими высотками. Сколько людей погибло под их руинами, даже вообразить было страшно. Я с содроганием ожидал, что вслед за упавшими зданиями начнут рушиться и другие, однако, к моему невероятному облегчению, этого не произошло.

Я поежился: Сабрина проживала в подобном мегарайоне, тоже застроенном высотками. Где сейчас моя подруга и что с ней? Успела ли добраться до Службы или застряла где-нибудь по дороге? Все-таки следовало надеяться, что Сабрина не угодила в неприятности, поскольку чем еще мне было утешаться, кроме этих надежд?

Наконец-то Апокалипсис сбросил маску и явил миру свое подлинное лицо, перекошенное жестокой гримасой убийцы. Руки мои беспомощно опустились, в ногах поселилась

слабость, в горле пересохло. Надвигалось нечто ужасающее, и против этого неизведанного я чувствовал себя жалкой букашкой, которая ползет по земле навстречу несущемуся торнадо. Ни убежать от него, ни забиться под камешек было нельзя – надвигающийся торнадо с корнем выдирал деревья и срывал крыши домов. Хотелось что-нибудь срочно предпринять, как-то повлиять на ситуацию, но я не знал, каким образом. Стоять, пялиться в окно, наблюдая, как Привычный Старый Мир летит в тартарары, трястись в ужасе и ожидать, когда явится Спаситель в обличие всемогущего контролера или механического модуля-ремонтника?..

А что еще остается? Только сидеть дома, надеяться на лучшее, ждать хороших новостей и пить пиво. Разумеется, пока-то еще холодное – я подозревал, что фростер в баре также приказал долго жить вместе с исчезнувшими Бэримором и прочими благами высокоразвитой цивилизации.

Пока я пялился в разбитое окно и терзался мрачными раздумьями, на юге тоже начали происходить любопытные вещи. Из-за горизонта – откуда-то с окраин гигаполиса Алтай – медленно поднимался столб черного дыма. Дымовой столб был столь плотным и огромным, что, когда ветры окончательно развеяли его, он успел подняться до верхних границ тропосферы. Что творилось в той стороне, определить было нельзя. Второй страшный катаклизм, замеченный мной в это утро из окна спальни. Сколько же их бушевало сейчас на планете и сколько случится в ближайшее время?

Пересохшее от волнения горло и взвинченные нервы вернули меня к мыслям о размороженном фростере и медленно нагревающемся в нем пиве. Требовалось срочно успокоиться. Обычно в межсезонье я не позволял себе употреблять спиртные напитки до вечера – в сезон турниров я не баловался ими вовсе, – но сегодня выдался совершенно особый денек. К тому же бар являлся единственным источником пищи, который был в данный момент доступен; завтрак Бэримор приготовить не успел, а с кухонным комбайном, куда дворецкий заряжал пищевые полуфабрикаты, я обращаться не умел.

И все-таки, пройдя на кухню, куда при живом Бэриморе (решил вспоминать о нем как о человеке – старик это, бесспорно, заслужил) приходилось заглядывать редко, я посмотрел на комбайн оценивающим взглядом: в его продуктовых камерах хранились внушительные запасы пропитания. Пусть в неприглядном и неудобоваримом состоянии, но вполне пригодном для утоления голода. На одном пиве и вине долго не протянешь, и голод довольно скоро даст о себе знать. Меня не остановит тонкая полимерная перегородка, отделяющая голодного зверя Гроулера от вожделенной пищи. Судьба безмолвного кухонного комбайна была уже написана – очень скоро ему предстоит пережить то же, что и оконному кварцу, только его смерть уже не будет случайной. Он виноват лишь в том, что хочется мне кушать… Не помню, кто из древних поэтов это сказал, поскольку литературу эры Сепаратизма в интернате Гражданского Резерва, где я вырос, нам преподавали по ускоренной программе. Педагоги-виртоличности наверняка предвидели, что в будущем классическая литература мне не пригодится. Моя судьба, как и судьба подавляющего большинства граждан Привычного Старого Мира, была просчитана практически с младенчества и никаких превратностей не сулила. Гарантированно.

Где теперь эти гарантии и кто ответит за их несоблюдение?

Пиво было еще холодным – первая радость за сегодняшнее утро. Как, оказывается, мало надо человеку для поднятия настроения при Апокалипсисе! Пришлось правда повозиться с крышкой бочонка – я из тех гурманов, кто предпочитает дорогие экзотические сорта, разлитые в деревянные емкости, – поскольку еще ни разу не приходилось открывать ее вручную. В конце концов выяснилось, что дерево не намного прочнее синтетического полимера. Недостаток у варварского метода откупоривания бочек был один – смакуя первую кружку, я постоянно выплевывал плавающие в пиве щепки.

Эх, если бы все неприятности в жизни были столь несущественными!

Склоняюсь к мысли, что именно распитие спиртных напитков во внеурочное время и нервное перевозбуждение потянули меня на дальнейшие подвиги. Расхаживая по дому с пивной кружкой, я провел дотошное исследование на предмет различных сюрпризов, какие еще могла преподнести текущая экстраординарная ситуация. Сюрпризы, естественно, обнаружились. Самые неприятные из них: не было воды, не работал модуль медицинского контроля «Панацея», входные двери заклинило намертво.

Отсутствующую воду могло несколько дней без проблем компенсировать пиво; кстати, было бы весьма познавательно хотя бы раз в жизни удариться в многодневный запой. Однако запой запоем, но ходить грязным я в запойном состоянии не собирался, а поливать себя пивом из кружки в тонизирующей камере не шибко-то хотелось. Даже в познавательных целях.

Облепленная всевозможными инжекторами, а ныне превратившаяся в бесполезный ящик, «Панацея» глядела на меня с немым укором линзами погасших сканеров. Она словно отговаривала от проведения запойных тестов. Резон в ее укорах имелся железный: лечить неизбежную в случае запоя ежеутреннюю головную боль «Панацея» была теперь не в силах. Подумав, я все-таки с ней согласился и отверг заманчивую идею беспробудного пьянства. Однако пообещал обязательно к ней вернуться, если вдруг на меня снизойдет озарение, как охладить пивные запасы.

Хуже всего дела обстояли с входной дверью. Войс-блокиратор, отпиравший дверь лишь после того, как сличал голос хозяина с образцом из голосовой базы «Серебряных Врат», похоже, заклинило намертво. Дверь со стеной превратились в монолит, и решить эту проблему кулаком без травматический последствий было нельзя. Окна, что выбивались достаточно легко, на первом этаже, как нарочно, отсутствовали. Все это недвусмысленно намекало мне, чтобы я не высовывался из дома в Жестокий Новый Мир, где с небес будто мертвые птицы падают рудовозы, шутя разваливаются каменные колоссы, а дым пожаров застилает небеса.

Но Гроулер дерзнул. Без какой-либо определенной цели – ему просто захотелось на волю.

Опустошив бочонок, кое-как уняв нервы и войдя в состояние, когда любая тварь дрожащая легко убеждается, что она право имеет, я вернулся к разбитому окну и, совершенно не заботясь о том, как попаду обратно, выпрыгнул на гранитные плиты дворика.

Здесь-то мной и было нарушено главное правило поведения в Жестоком Новом Мире, которое гласило: жизнь есть страдание и любой необдуманный поступок неизбежно приводит к плохим последствиям. В своих турнирных доспехах модели «форсбоди-5» из облегченного сверхпрочного меркуриума, снабженных силовыми амортизаторами прыжков и стабилизаторами суставов, я порой сигал с такой высоты, что в полете успевал досчитать до пяти. Будь на мне сейчас «форсбоди», я бы вообще ничего не почувствовал – так, будто не прыгнул из окна, а переступил порог комнаты. Нет, конечно, я прекрасно помнил, что в это утро мои ноги не предохраняли удароустойчивые амортизаторы. Просто понадеялся на свой многолетний турнирный опыт и решил, что небольшой высоты не стоит бояться. Тем паче что после выпитого натощак бочонка пива законы пространства уже не казались столь непоколебимыми, а потому земля со второго этажа выглядела гораздо ближе, чем обычно.

Я убедился в собственной глупости, когда едва не пробороздил носом гранит, не устояв на ногах после приземления и распластавшись прямо возле погасшего ландшафт-проектора. Больше минуты провалялся в такой неприглядной позе, приходя в себя. За это время я успел раскритиковать вслух и свое мальчишеское поведение, и гранитное покрытие двора, и даже земную гравитацию, постоянство которой, безусловно, делало ей честь, однако в данную минуту этот факт меня почему-то не радовал.

Впрочем, нашлось за что себя и похвалить. Отправляясь из дома под хмельком, я не забыл надеть штаны, майку и ботинки, поэтому не ободрался о гранит и не отбил при приземлении ступни. Первый урок был усвоен: жизнь в Жестоком Новом Мире заставляет быть предусмотрительным даже в мелочах.

Кряхтя и потирая ушибленные ладони, я неуклюже поднялся и осмотрелся. Передо мной лежало три дороги: первая вела к инстант-коннектору, вторая – вдоль по улице, третья – самая короткая – упиралась в порог соседнего дома. Но проблемы выбора не возникло. Возле стоянки ботов инскона я заметил какое-то движение и потому направился именно туда.

Молодой парень, по всей вероятности, контролер, прохаживался вокруг готового к отправке в стартовую камеру бота и непрерывно говорил. А поскольку кроме него на стоянке больше никого не было, получалось, что разговаривал он сам с собой. Подойдя поближе, я заметил в его глазах слезы.

– Два – четырнадцать – игрек – восемь, – без остановки бубнил парень. Говорил он, конечно, не со своей тенью, а пытался ввести координаты боту. Отключенный бот не реагировал. – Да что же за напасть!.. Два – четырнадцать – игрек – восемь… Ну пожалуйста!.. Два! Четырнадцать!..

– Эй… как тебя там!.. – окликнул я первого встреченного за день человека. Без обязательного ключа на виске и полупрозрачного пикра перед глазами я ощущал себя крайне неловко – будто вышел прогуляться голым. Невозможность опознать персон-маркер собеседника создавала жуткие неудобства. Я понятия не имел, кто передо мной, каков его психологический портрет и как следует себя вести при разговоре с этим незнакомцем. В отличие от меня, у парня инфоресивер был с собой. Только по уже известной причине он держал его в руке, а не закрепил на положенном месте. Услыхав мой голос, молодой человек вздрогнул, дрожащей рукой поднес ключ к виску и нацелил на меня рамку пикра.

– Бесполезно, – заметил я, приближаясь. – Можешь не суетиться – мой ключ тоже не работает.

Парень между тем повел себя неприветливо – занервничал и испуганно попятился от меня так, словно узрел какого-нибудь мифического живоглота, коими любят стращать доверчивого зрителя в виртошоу ужасов. Моему дружескому совету парень не последовал, энергично потряс инфоресивер возле уха и снова направил на меня сенсор.

– Ну как, помогло? – поинтересовался я, походя отметив, что не одинок в своей привычке применять насилие к отказавшей технике. Не иначе, этот эмоциональный жест следовало рассматривать как некий инстинкт, дремавший в нас ранее и теперь разбуженный критическими обстоятельствами. Я уже не сомневался, что еще не раз столкнусь с его проявлением.

– Не подходи! – яростно блеснул влажными глазами парень, после чего ретировался за бот и настороженно замер, выбрав такую позицию, чтобы между ним и мной была непреодолимая стальная преграда. – Стой, где стоишь! Чего тебе надо? Я тебя не знаю!

– И что с того? – бросил я, замедлив шаг. – Я тоже тебя не знаю. Давай познакомимся. Меня зовут Гроулер, я живу вон в том доме у холма. – Я изобразил добродушную улыбку, которую свирепый по натуре капитан реалеров мог иногда себе позволить. – И у меня было плохое утро, так что прекрасно тебя понимаю. Иду, гляжу, у тебя похожие проблемы, поэтому дай, думаю, подойду, спрошу – может, ты в курсе, что происходит…

– Нет! Проваливай!

– Вижу: не в курсе. Однако стоит ли так переживать по этому поводу? Не спорю – трагедия. Но дело-то поправимо. Разберутся, кому следует, и все починят. А хочешь, пойдем попьем пивка? Еще холодное.

Признаться, я понадеялся, что парень меня узнает, но он, к сожалению, не узнал. Разве есть на свете такой поклонник реал-технофайтинга, который отказался бы выпить пива с самим капитаном Гроулером, пусть и давно утратившим свой чемпионский титул?

– Уходи, я тебе не верю! – прокричал парень. Если бы я не остановился, он бы наверняка забегал от меня вокруг бота. – Держись подальше, пока не увижу твой персон-маркер!

– Как скажешь, – отступился я. И не предполагал, что поломка инфоресивера сумеет вогнать человека в такую параноидальную подозрительность. – Ты вообще где живешь-то?

– Не твое дело! Иди, откуда пришел!

Я пожал плечами – действительно, какое мне дело до этого ненормального, – развернулся и зашагал обратно. Однако не прошел я и десяти шагов, как парень боязливо меня окликнул:

– Э-э-эй, а куда я попал?

Так и подмывало ответить: «Не твое дело», но я причислял себя к культурным людям и потому от грубостей воздержался.

– Западная Сибирь, – обернувшись, просветил я его. – Мегарайон частных владений. Если не ошибаюсь – третий.

– Издеваешься, что ли, географ? – обиженно фыркнул парень. – Типа я такой умник и знаю, где эта Западная Сибирь находится! Координаты стоп-зоны какие?

– Пять – восемнадцать – зэд – тридцать один, – великодушно уточнил я, чувствуя, что еще минута общения с этим инскон-кочевником, и я точно сменю милость на гнев. И плевать тогда на кодекс реал-технофайтеров, предписывающий вести себя в обычной гражданской жизни тише воды ниже травы. Этому придурку лучше не знать, что такое гнев выведенного из себя Гроулера.

– Пятерка! – удивленно присвистнул парень. – Это Азия, что ли? Вот занесло! А я-то думаю, почему меня так морозит…

Последние слова он бормотал уже под нос и продолжал бормотать до тех пор, пока я не удалился, оставив его страдать в гордом одиночестве. Никакой он не контролер, как показалось вначале. Фиаскер-глюкоман; вон и следы перламутрового налета на веках заметны.

Эта деградированная публика была мне принципиально неинтересна. Больше половины фиаскеров и на Службе-то никогда не состояли, остальные либо были с позором уволены до срока, либо, кое-как отслужив свой срок, опустились до столь низменного состояния после отставки. Я не считал фиаскеров полноценными людьми – жители трущоб, а то и вовсе бродяги, фиаскеры и глюкоманы прожигали жизнь, покрывая веки глюкомазью, единственным легализованным наркотиком, и мотаясь по свету от одного увеселительного заведения к другому.

Изрядная часть фиаскеров, наоборот, десятилетиями не покидала своих убогих квартир, возлежала в огромных креслах, круглосуточно находясь подключенными к безграничному миру «Серебряных Врат». Опекаемые модулями социальной поддержки, обладатели разжиревших многоцентнеровых туш поглощали пищу и справляли естественные надобности рефлекторно, даже не замечая этого. Их мозг жил совершенно отдельной от тела жизнью. Двумя словами – полные деграданты.

Умственно ограниченное сообщество фиаскеров варилось в собственном соку, вполне довольствуясь доступными ему благами цивилизации и не мечтая больше ни о чем в жизни. Порождения нашей архигуманной эпохи – обучены только брать и ничего не отдавать взамен. Я мог лишь догадываться, сколько сегодня в мире насчитывается этих бездельников, обладателей предельно низкого социального рейтинга. Но, судя по тому, что встречались они мне везде и повсюду, их было достаточно много. Да и авторaздатчиков бесплатной глюкомази в последнее время на улицах города стало значительно больше – тоже говорящий о многом признак.

Едва я вернулся к развилке, как увидел бегущую по улице молодую женщину. Заметив меня, она поднесла ладонь к виску, подобно нелюдимому фиаскеру пытаясь опознать мой персон-маркер при помощи «мертвого» ключа. Я заранее настроился на ее недоверчивую реакцию, что по моим прогнозам обязана была наступить после, но, вопреки ожиданиям, женщина не испугалась неопознанного субъекта. Наоборот, обрадовалась так, словно встретила долгожданного родственника.

– Наконец-то вы прибыли! – возликовала она, подбегая ко мне, хватая за руку и увлекая за собой. – Вы даже не представляете, чего мы здесь натерпелись! Это… Это… Это немыслимо! Вокруг такое творится!

– Тоже заметил, – подтвердил я, растерявшись и покорно следуя за женщиной. – Извините, куда вы меня тащите?

– Как куда? – Мой вопрос вызвал у нее откровенное недоумение, она даже остановилась. – К себе домой, куда же еще! Это же я – Гертруда Линдстром! Я вызвала вас примерно полчаса назад. Вы опоздали, но я не буду предъявлять претензий. Понимаю, не маленькая – ведь когда вокруг творится такое… такое…

– Один момент! – Я высвободил запястье из ее цепких пальцев. В моей голове шумело пиво, которое плохо влияло на процесс мышления. – Позвольте-ка объяснить: никто меня никуда не вызывал. Я живу вон в том доме, и у меня так же, как у вас, выдалось прескверное утро.

– Хотите сказать, что вы не контролер? – Гертруда посмотрела на меня с таким огорчением, что мне даже стало неловко.

– К сожалению, нет, – подтвердил я. – И никогда им не был.

– Но ваше лицо мне знакомо!

– Наверное, вы видели его в спортивном секторе «Серебряных Врат». Меня там иногда показывают. Раньше показывали чаще, но последние пару лет…

– Что за ерунда! – вскричала Гертруда. – Я потому вас и знаю, что вы – диспетчер Контрольной Службы! Прекратите ваши глупые шутки, и идемте скорее – у меня розы в оранжерее вянут!

И снова попыталась ухватить меня за руку.

– Спокойно! – отпрянул я. Люди сегодня будто состязались, кто быстрее выведет меня из душевного равновесия. Понятно, что мир в кризисе, но стоит ли из-за этого сходить с ума? – Еще раз повторяю: я не контролер! Мое имя Гроулер. Гро-у-лер! Ни о чем не напоминает?

И я широко, во весь рот, улыбнулся, продемонстрировав свой коронный звериный оскал, давно вошедший в историю реал-технофайтинга как мой второй персон-маркер. Воспроизводить боевой клич, который я вкупе с оскалом обычно издавал над поверженным врагом, не стал – Гертруде хватило и вида моих обнаженных клыков. Эти чудовищные искусственные имплантанты, сделанные мной исключительно ради воинственного имиджа, быстро освежили память моей случайной знакомой. Причем освежили даже лучше, чем того требовалось.

– Вы – тот самый жестокий реалер-убийца, которого оправдали! – без обиняков заявила она, отступая на шаг, но других признаков страха не проявляя. Это уже делало ей честь. – Из-за вас тысячи болельщиков получили тогда тяжкие психические травмы!.. Да, это точно вы! И знать не знала, что со мной по соседству живет…

«Такое чудовище!» – явно хотела сказать она, но воздержалась. Что ж, и на том спасибо.

– Это реальный и жесткий вид спорта, госпожа Линдстром, – невозмутимо парировал я. К подобным обвинениям в свой адрес я привык и давно перестал на них обижаться. Нервировало лишь то, что капитан Гроулер был не первым реалером, совершившим непреду-

мышленное убийство, однако как только где-либо заходила речь о жестокости в спорте, тут же вспоминали Гроулера, его звериные клыки и тот трагический инцидент пятилетней давности. – На аренах всякое случается. Капитан Спайдермен, как и прочие игроки, был добровольцем и знал, чем опасен реал-технофайтинг. На месте Спайдермена с той же вероятностью мог оказаться я.

Неизвестно, удовлетворило Гертруду мое объяснение или нет, но тему она сменила.

– Но где же тогда контролер? – уняв эмоции, поинтересовалась женщина. – Я связалась с ним полчаса назад, но его почему-то до сих пор нет. И кто мне скажет, что вообще сегодня происходит?

– Кризис, разве не видно? – ответил я. – Но вы, наверное, ошибаетесь: «Серебряные Врата» закрыты уже как минимум два часа. Вы могли вызвать контролера только ранним утром, не позже.

– Я вызвала его после того, как проснулась и поняла, что моя горничная… пропала, – заявила Гертруда.

– И контролер вам ответил?

– А что, он должен был мне ответить?

Я задумался: а кто его знает, что обычно отвечал Бэримору вызываемый на дом контролер. И приезжал ли он вообще хотя бы раз на вызов лично – насколько я был в курсе, обычно виртуальный дворецкий получал все нужные инструкции через «Серебряные Врата» и устранял неисправность самостоятельно.

– Не знаю, госпожа Линдстром. – Я озадаченно почесал макушку. – Инфоресиверы умерли, поэтому вряд ли вы сумели бы связаться с контролером…

– То есть как это умерли? – выпучила глаза Гертруда. – Вы в своем уме? Да, мой паучок сегодня ведет себя немного странно: он не захотел общаться и рассказывать мне о вас. Но я подумала, что он просто скучает по Лауре, моей горничной, и потому капризничает… – Госпожа Линдстром трогательно погладила пальчиком сенсоры-лапки инфоресивера, после чего презрительно сощурилась и холодно произнесла: – Мой паучок жив! А ваш, возможно, и впрямь умер! И я не удивлюсь, если вы сами прикончили его! О ваших животных наклонностях знает весь мир. Наверняка вы едите сырое мясо, а вместо воды пьете кровь! Троглодит!

– Прошу прощения, кто? – удивился я, собираясь уточнить, следует ли мне оскорбляться, и если да, то насколько глубоко. Таким экзотическим прозвищем меня еще не награждали, но звучало не менее грозно, чем Живоглот.

Гертруда не ответила, поскольку ее внимание привлекло что-то у меня за спиной.

– А, вот и контролер! Я знала, что он появится! – Она подпрыгнула от восторга и, небрежно оттолкнув меня плечом, припустила к инстант-коннектору. Я проследил за ней до самой стоянки и навострил слух, поскольку приблизительно догадывался, что сейчас услышу. Такую любопытную сцену не следовало пропускать.

– Замри на месте! Замри, кому сказал! Стой, где стоишь! – вскоре раздались оттуда вопли уже знакомого мне фиаскера, застившего глаза глюкомазью.

– Кто вы такой? Вы контролер? – вопрошала госпожа Линдстром, неопознанная заплутавшим кочевником.

– Я что, похож на контролера? Нет, я не контролер! Проваливай отсюда, ненормальная! – отбивался от нее фиаскер.

– А где контролер? – продолжала атаковать Гертруда. – Он уже должен быть здесь!

– Не видел я твоего контролера!

– Куда же он делся?

– Проваливай!..

«Мир сошел с ума», – думал я, стоя посреди пустынной улицы и слушая далекую перебранку двух вполне обычных граждан, которые еще вчера даже не посмотрели бы друг на

друга при встрече. Возможно, были правы те, кто называл Гроулера зверем. Однако в данный момент под это определение подпадал не только он. Все мы в большей или меньшей степени обычные животные, отгородившиеся от дикой природы искусственной преградой из плодов собственного, не в меру развившегося разума. Животное плюс высокие технологии – вот и получился человек в современном его понимании. Отними от суммы второе слагаемое, что остается? Не больно-то сложная арифметика, даже для не блещущего интеллектом реалера.

Я давно усвоил, что мне противопоказано заниматься философскими рассуждениями – голова начинает пухнуть от переизбытка мыслей, а настроение неизбежно ухудшается. К тому же после этого утомительного занятия всегда хочется перекусить.

Я с тоской посмотрел на выбитое окно спальни: действительно, пора бы задуматься не о философских вопросах, а о хлебе насущном, до которого требуется еще добраться. Второй этаж – это для реалера в «форсбоди» один легкий прыжок, а для обычного человека – приличная высота. Взять такую не получится даже с разбега. Поэтому придется поискать что-нибудь, что можно приставить к стене. Ландшафт-проектор? Маловат, да и хрупок – раздавлю, как пить дать. Вот мраморная тумба-подставка от него подойдет. Правда, тяжелая; лень ворочать ее, но зато сооружение будет возведено для многократного использования – неизвестно, сколько еще раз предстоит хаживать этой рискованной тропой. Тут уж волей-неволей улучшишь свою прыжковую технику – как говорится, не было счастья, так несчастье помогло.

Прежде чем хвататься за тумбу и корячить ее к стене, мне требовалось некоторая подготовка. Не в смысле разминка, а в смысле – такая, что была необходима перед физической работой человеку, выпившему много пива. В общем, кому знакома подобная ситуация, тот понимает.

И не припомню, когда в последний раз справлял малую нужду вне туалетной комнаты. Постыдный, откровенно варварский поступок, но с природой не поспоришь. Оглядевшись по сторонам и опасаясь не столько свидетелей, сколько их инфоресиверов, которые по закону подлости могли именно в эту минуту включиться и запечатлеть легендарного реалера за столь непотребным занятием (Сабрина бы душу Дьяволу продала за такую голографию для своего будущего музея), я пристроился за углом особняка и приступил к делу. Угрызения совести, что испытывал я при описывании угла, словами были неописуемы… уж извините за вульгарный каламбур.

Самыми опасными, однако и самыми захватывающими турнирами по реал-технофайтингу считались турниры категории «ретро». В них всегда использовалось оружие последних столетий эры Сепаратизма: оружие примитивное, неточное, стреляющее свинцовыми пулями посредством энергии сгорающего пороха. Меркуриевые «форсбоди» надежно оберегали игроков от попаданий кусков свинца, но сила пулевых ударов была такова, что сбивала с ног и оглушала даже закованного в бронированные доспехи человека. Само собой, что на ретро-турнирах нам, игрокам, приходилось быть особенно осторожными.

О ядерных ракетах и водородных бомбах мощностью в сотни килотонн я знал лишь понаслышке, поэтому коварнейшим оружием эры Сепаратизма считал не их, а длинноствольное, оснащенное оптическим прицелом приспособление для дистанционного убийства под названием «снайперская винтовка». Этот смертоносный агрегат, в отличие от большинства видов древнего вооружения, имел чертовски медленную скорострельность, зато обладал непревзойденной точностью. Попадание в голову из снайперской винтовки почти всегда оканчивалось травмой – тяжелым сотрясением мозга и растянутыми мышцами шеи – и надолго выводило игрока из строя. Я выстрадал это на собственной шкуре. Вовек не забуду проклятого снайпера Флинта из «Веселого Роджера», помявшего мой новенький меркуриевый шлем и испортившего впечатление от позапрошлогодних весенних турниров. Такие

хитрые игроки, как Флинт, никогда не лезли в гущу сражения, но бывало, что зарабатывали за игру для команды куда больше очков, чем самые отчаянные штурмовики.

Реалера спасало от снайперских выстрелов только одно качество.

«Не надежда умирает последней, а реакция, – любил говаривать мой друг и наставник, ныне ушедший на покой ветеран реал-технофайтинга Ганнибал, и всегда уточнял: – Можешь похоронить все свои надежды, но если тебя даже за секунду до смерти уколоть иглой, ты вздрогнешь. Реакция – вот на что турнирный боец должен полагаться прежде всего».

Я накрепко усвоил совет Ганнибала и впоследствии убедился, что мой наставник был прав. Благодаря и хорошей реакции в том числе, Гроулер удерживал столько лет звание капитана команды «Молот Тора».

А вот сегодня профессиональная реакция сыграла со мной отвратительную шутку. Я уже застегивал ширинку, когда в доме напротив – стилизованном под старину особняке – из маленького оконца под крышей мне в глаза блеснул солнечный зайчик. Точно такой же зайчик, что отбрасывали на ретро-турнирах оптические прицелы неопытных снайперов, занимавших позиции лицом к солнцу.

Это уже потом до меня, пьяного, дошло, что я не на полигоне стадиума «Сибирь» и что причина появления солнечных бликов в окне соседского дома наверняка кроется в другом. Это потом я от души посмеялся над собой и своей хронической нервозностью. Но едва мои глаза уловили световые всполохи, исходящие с характерной для снайперской засады позиции, как, не успев опомниться, я ничком бросился на землю и, как был с расстегнутой ширинкой, перекатом ретировался за ближайшее укрытие – постамент ландшафт-проектора. И только после этого разразился потоками ругательств, но не в адрес соседей, а в свой собственный. Смысл моей самоуничижительной тирады сводился к одному: Гроулеру надо пить не пиво, а успокоительное. Причем такими же бочонками.

Продолжая браниться, я застегнул ширинку и, хмуро косясь на злополучное окно, поднялся на ноги. Даже когда на последнем турнире моя команда не вошла в тройку финалистов, я не испытывал столь глубокого стыда. Хотелось порвать мерзавца-соседа пополам и долго-долго втаптывать в землю его внутренности. Хотелось причинить ему еще много страданий, но в действительности я не мог даже плюнуть в его сторону. Не только потому, что считал себя культурным человеком (о вышеупомянутом инциденте умолчим – зов природы, исключительный случай). Просто сосед был в моем позоре совершенно не виноват. Что бы ни сверкало в его окне, это мои поступки выглядели по-идиотски, а оправдания им звучали бы еще глупее.

Существовал, правда, малоутешительный шанс, что вытворяемые мной глупости остались незамеченными в доме напротив. Но надежда на это растаяла уже через несколько секунд. Я с огорчением наблюдал, как окно, в котором только что сверкали блики, отворяется. Старинное двустворчатое окно с открывающейся вручную рамой! Меня это заинтриговало: я был наслышан историй о чокнутых любителях пыльного антиквариата, но вживую они мне пока не попадались. А тут вдруг выяснилось, что один из них проживает у меня прямо под боком.

Вот ведь как порой случается: отгороженные от Привычного Старого Мира ландшафт-проекторами и силовыми куполами, мы практически ничего не знали о тех людях, кто прятался даже под ближайшим пузырем. Общаясь посредством «Серебряных Врат» и Транс-сети с друзьями и знакомыми, проживающими от нас за тысячи километров, мы порой не считали нужным пройти сотню шагов от собственного дома, дабы познакомиться с соседями. Если предшествующую эру тотальных войн принято называть эрой Сепаратизма, то наше время потомки будут именовать не иначе как эра Парадоксов. Парадоксов во всем, но прежде всего – в человеческих взаимоотношениях.

Что я знал о своем ближайшем соседе? Да ничего. Ни его имени, ни имен членов его семьи. Я даже лиц их никогда не видел, хотя с большинством живущих в округе сограждан так или иначе сталкивался по пути к инскону. К примеру, Гертруда Линдстром встретилась мне сегодня не впервые, правда, вспомнил я об этом не сразу. Виделись мы уже, госпожа Линдстром. Год или два назад, но виделись, так что мое лицо знакомо вам не только по скандальным репортажам о жестокостях современного спорта.

Окно соседнего дома распахнулось, и в нем нарисовался низкорослый, в меру упитанный человечек, коему на вид можно было дать лет шестьдесят. Мне сразу бросилось в глаза, что пожилое лицо человечка выглядело непривычно естественным: морщинки, красноватые пятна на лбу и щеках, маленький второй подбородочек, свалявшиеся волосы, только по этому признаку выказывающие свою натуральность – искусственные имплантанты никогда бы не спутались в таком беспорядке. Сосед явно пренебрегал многочисленными услугами по омоложению внешности, какими в наш век не пользовался лишь самый недалекий и ленивый пенсионер. Был ли мой сосед ленивым и недалеким, я пока не ведал, но то, что он – человек со странностями, я догадался еще до того, как он произнес первую фразу. Когда же он заговорил, я лишь укрепился в своих догадках.

– Добрый день, капитан Гроулер! – выкрикнул сосед, зачем-то отвесив мне полупоклон, от которого, как мне показалось, едва не выпал из окна. – Извините, что поставил вас в неловкое положение! Надеюсь, вы не держите обид на глупого старика?

– Издеваетесь: «добрый день»!.. – прорычал я, все еще чувствуя в душе неприятный осадок. – Я таких добрых дней в жизни не видел!

– Что вы, что вы! Никоим образом не издеваюсь! И в мыслях не держал! – испуганно замахал руками сосед, честно говоря, еще далеко не старик. – Желать кому-то доброго дня – это… э-э… такая древняя традиция. Знаете, в те века, когда люди не обладали персон-маркерами, так они обращались друг к другу при встрече. Замечательная традиция, смею заметить, молодой человек. К сожалению, давно утрачена. И не только она. Была и такая, согласно которой каждый воспитанный человек обязан желать другому при встрече здоровья…

И впрямь странный субъект. Во-первых, зачем-то натыкал меня носом в незнание древних традиций. Кому они нужны? Тем более сейчас?.. Ладно, забудем; меня вон сегодня уже и географом обозвали, и этим… как его… троглодитом. Ничего, стерпел.

Во-вторых, этот велеречивый говорун не стал по распространенной привычке целиться в меня из инфоресивера. Сосед вообще не держал его в руках, что было само по себе любопытно – значит, не я один в этом бедламе успел смириться с утратой своих искусственных ушей, глаз и памяти. Впрочем, кое-какая вещица у соседа в руках все же имелась. Это было непонятное приспособление, отдаленно похожее на дистанционный анализатор… или даже на спаренный прицел все той же снайперской винтовки. Очевидно, что вогнавшие меня в панику солнечные зайчики исходили как раз от него.

Интересный субъект проживает у меня по соседству. Странный, но, кажется, вполне безобидный. И все-таки я решил пока не приглашать его на пиво – не было интереса выслушивать нудную лекцию о давно изживших себя традициях.

– Вы тоже видели это, капитан? – полюбопытствовал сосед, указав на затянутый дымом горизонт. – Какой ужас!.. Я таки просто в жутком шоке!

– И не говорите, – согласился я, думая о том, как бы поскорее закончить разговор. – Кому-то завтра придется ответить за этот бардак. Не завидую тому, кто окажется крайним. Ладно, не переживайте, контролеры и маршалы скоро во всем разберутся…

Сосед вдруг спохватился, хлопнул себя по лбу и снова рассыпался в извинениях:

– О, любезный капитан, вынужден снова просить у вас прощения, я ведь не представился: Наум Исаакович Кауфман. Конечно же, для вас, как для друга, – дядя Наум. К сожалению, не имею чести знать ваше полное имя…

– По закону мне не положено носить отцовскую фамилию, – признался я. – Я – незаконнорожденный.

– Вот оно как!.. – Теперь настала очередь Наума Исааковича ощущать неловкость.

«Сам напросился», – злорадно подумал я, зевая в ожидании извинений, которые, как и предполагалось, последовали незамедлительно.

Кауфман мог бы и не извиняться, поскольку, говоря начистоту, обидного в статусе незаконнорожденного было мало. Закон о регуляции числа населения планеты был принят задолго до моего рождения, и я не виноват, что мой неизвестный папаша решил завести себе внебрачное дитя. Хотя случилось так, что крайним оказался все-таки я: интернат Гражданского Резерва и пожизненный запрет на ношение отцовской фамилии – не слишком приятные воспоминания о детстве.

До совершеннолетия у меня и вовсе не было имени. Лишь порядковый номер. Это уже потом, перед выпуском и распределением, когда мне предложили выбрать любое приглянувшееся имя, я выбрал это интернатское прозвище, данное мне за грубый, не соответствующий ребенку, голос. Выбрал будто в отместку, даже не взглянув на тысячи предложенных вариантов, хотя раньше прозвище Гроулер не особо мне нравилось. Зато в отличие от прочих, гораздо более благозвучных и красивых имен, я успел с ним сродниться.

– Право слово, хотелось бы как-то загладить перед вами мою жуткую бестактность… – потупив глаза и нервно тиская в руках свою антикварную вещицу, подытожил дядя Наум.

– Да никаких обид. Забудьте, Наум Исаакович, – отмахнулся я, поморщившись. Все хорошо, когда в меру. Извинения – не исключение.

– А знаете, молодой человек!.. – встрепенулся Кауфман. – Милости прошу к нам на обед! Сегодня у нас, замечу вам, потрясающая жареная курочка. Нет, правда, заходите! Мы с Кэрри будем рады. Так ведь, Кэрри? – крикнул он, обернувшись. – Мы же будем рады нашему дорогому соседу, капитану Гроулеру?

Я не расслышал, что ответила скрывающаяся в доме Кэрри. Однако судя по тому, что глазки Наума Исааковича виновато забегали, а на лице появилась натянутая улыбка, госпожа Кауфман не горела особым желанием принимать гостей.

– Ай, не слушайте ее, молодой человек, она таки вас немного стесняется и к тому же сильно напугана всеми этими взрывами, – поспешил заверить меня дядя Наум.

Меня заинтриговало не само радушное приглашение, а наличие у дяди Наума жареной курочки – факт, не поддающийся никакому логическому осмыслению и посему больше похожий на обман. Хотя… Я повел ноздрями: и правда, пахло очень вкусно и именно жареным мясом.

– Но откуда… – начал было я, обведя рукой безжизненную округу, однако Кауфман предугадал вопрос, хитро подмигнул и загадочно сообщил:

– Молодой человек, я открою вам эту страшную тайну, только если вы примете мое приглашение. Прошу вас, уважьте старого человека и присоединяйтесь к нашему скромному столу. А перед этим сделайте доброе дело и помогите мне открыть дверной замок.

Дядя Наум, конечно, мог бы справиться и сам, но слишком уж долго придется возиться…

Нежелание идти в гости к чудаковатому Науму Кауфману напрочь истребил запах жареной курицы. Правда, было неудобно появляться в гостях без подарка, но за пивом я возвращаться не стал. Да и плохой это был подарок для визита в обитель культурных людей.

Деревянная дверь архаичного особняка Кауфманов запиралась на современный войсблокиратор, также открывающийся лишь после опознания голоса хозяина через «Серебряные Врата». До меня наконец дошло, почему на окрестных улицах столь малолюдно. Кризис случился, когда подавляющая часть жителей нашего мегарайона спала. Так что в настоящий

момент все они сидели взаперти и терпеливо ожидали чуда. И только самых непоседливых, вроде меня, госпожи Линдстром и дяди Наума, зов свободы заставил искать пути для бегства из замкнутого пространства собственных домов, волею обстоятельств лишившихся выходов. Неизвестно, как выбралась наружу Гертруда, но Наум Исаакович явно оказался самым хитрым из нас. За него всю тяжелую работу по высвобождению из ловушки выполнил гость, чьи ноздри возбужденно трепетали в предвкушении обеда.

Треснувшая от удара кулака деревянная крышка пивного бочонка ввела меня в заблуждение относительно непрочности этого редкого материала – дерева. Дверь особняка Кауфманов даже не собиралась обращаться в щепки под натиском кулаков. Потерев отбитые костяшки и безрезультатно подергав дверь за приделанную к ней рукоять – полный атавизм, но Наум Исаакович, похоже, был без ума от подобной экзотики, – я растерялся. Пинать ногами такую красоту было как-то не по себе. В отличие от безжизненного полимера, хитросплетения древесных волокон выглядели натуральной живой тканью. Редкие глазки почерневших от лака сучков смотрели на меня с немым укором, будто молили одуматься и не совершать злодеяние…

– Ну же, молодой человек! – прокричал из-за двери Кауфман. – Ломайте, не бойтесь! Для вас ведь это так просто! Учтите: обед стынет!

– Отойдите подальше, а то зашибу, – потребовал я, отступая на несколько шагов для разбега. Хитрый Наум Исаакович знал довод, который избавит меня от сомнений.

Верх неприличия – входить подобным манером к незнакомым людям (да и к знакомым, в общем-то, тоже), – но раз уж те сами попросили… Выбитая ногой дверь влетела в прихожую и грохнула по полу. Заклинивший блокиратор так и остался болтаться в дверном проеме вместе с отщепленным куском двери. Выдирать замок из стены я уже не стал – это было попросту бесполезно. Перескочив по инерции через порог, я остановился посреди просторной прихожей, застеленной пушистым ковром, усыпанным щепками от выломанной двери.

Наум и Каролина Кауфманы испуганно взирали на меня из дальнего угла коридора. Одно дело наблюдать за злобным Гроулером с верхнего этажа, и совсем другое – когда этот тип, обладающий харизматической звериной внешностью, возникает прямо перед тобой после того, как разнес в щепки входную дверь. «Ваше место – в вольере для хищников!» – сказали мне однажды поборники «реал-технофайтинга с человеческим лицом». Судя по взглядам Кауфманов, они думали обо мне в том же ключе.

Мне представилась возможность познакомиться с остальными членами семейства дяди Наума. Точнее, с Каролиной Кауфман, которая оказалась вовсе не женой Наума Исааковича, как я ошибочно предположил, а была его дочерью: довольно привлекательная молодая особа с черными кудрявыми волосами до плеч. Все, что я до сего момента знал о ней со слов отца, так это то, что она была стеснительна и не любила принимать у себя незнакомых гостей. Неизвестно, что подразумевал под стеснительностью ее отец, но я почему-то представлял стеснительных девушек немного иначе. Румянец скромности на лице Кэрри разглядеть было сложно не потому, что девушка обладала смуглой кожей, – он там попросту отсутствовал. Когда же у Каролины прошел испуг, она уставилась на меня со снисходительностью терпеливой мамаши, чей озорник-сынишка учинил очередное хулиганство. «Мамаша» словно решала, следует ли портить себе нервы и устраивать шалопаю взбучку, если проку от этого все равно не будет. Кого и стеснялась дочурка Наума Исааковича, так, вероятно, только папу, но точно не меня.

Вблизи и с высоты моего капитанского роста дядя Наум выглядел намного миниатюрнее, чем показалось вначале. Его холерический темперамент становился заметен с первого взгляда. Глаза Кауфмана бегали, он постоянно вертел головой, а на лице его за несколько секунд отображалась столь разнообразная гамма чувств, что определить, какое из них владело Наумом Исааковичем в настоящий момент, я затруднялся. Кауфман то угрюмо хмурил

брови, а через миг уже улыбался, то озадаченно морщил лоб или, воздев глаза к потолку, начинал цокать языком, после чего многозначительно сощуривался и прикусывал губу. Руки дяди Наума все время находились в движении, словно искали, за что бы ухватиться, а ноги постоянно пританцовывали. Поначалу я списал это на неловкость хозяина перед гостем и последствия от пережитого шока, однако потом понял, что в таком возбужденном состоянии Кауфман пребывал практически всегда. Непоседливость была присуща ему от природы, как мне – свирепость.

– Ничего-ничего, я потом все починю, мне не привыкать, – затараторил Наум Исаакович, пытаясь помочь мне оттащить вышибленную дверь к стене прихожей. Я деликатно отстранил его, но он все равно подскочил и успел подержаться за край двери, пока я волочил ее по ковру. Помощью это, конечно, назвать было нельзя, разве что моральной.

– Правильно его Гертруда назвала: натуральный троглодит, – с холодной усмешкой вымолвила Каролина вместо приветствия.

– Кэрри! – притопнув ногой, шикнул на нее отец, и не успел я моргнуть, как он уже улыбался мне широкой гостеприимной улыбкой: – Не обижайтесь на нее, капитан, это она не со зла. Такой моя Кэрри человек: что думает, то и говорит. Прямая и честная. Вся в маму пошла, Стефанию Леонидовну, покойся она с миром. Стефания Леонидовна тоже любила высказывать правду в глаза, и не иначе. Так что у Кэрри это, можно сказать, в генах. И не представляете, капитан, как тяжело ей, бедняжке, жить на свете…

– Папа, прекрати!.. – осуждающе сверкнула глазами дочь, и я поспешил вмешаться, дабы ликвидировать назревающий семейный конфликт в зародыше.

– Все в порядке. Какие могут быть обиды, а тем более на правду? – миролюбиво улыбнулся я, стараясь, чтобы Кауфманы не заметили мои всемирно известные клыки, демонстративно выступающие из верхнего ряда зубов. – Вы бы слышали, какими прозвищами меня награждали поклонники после проигрыша на весеннем турнире. Кстати, а кто такой троглодит? Разновидность живоглота?

– Не удивлена, что капитан не знает таких простых вещей… – пробурчала Кэрри, отводя взгляд, в котором искрилась насмешка. Но не презрительная, а скорее снисходительная. – Ну скажи, папа, разве Гертруда не права?

Все ясно: девочка из категории «палец в рот не клади». От таких, как она, надо защищаться лишь ответным сарказмом. Встретив отпор, они обычно начинают нервничать и либо обиженно примолкают, либо переходят на грубую схватку и выставляют себя уже не остроумными критикессами, а заурядными злючками. К сожалению, тугодум Гроулер не был силен в дискуссиях, и за ответным словом в подобных ситуациях ему обычно приходилось лазить в самый дальний карман.

– Здесь вовсе нет загадки, – натянуто рассмеялся дядя Наум, недовольно посматривая на дочь. – Троглодиты – это люди, жившие в эпоху палеолита. Они обитали в пещерах, кушали сырое мясо…

– … и запивали его кровью, – закончил я, припомнив последние слова госпожи Линдстром. – А теперь прошу вас, объясните, кто такой этот Палеолит, раз в его честь назвали целую эпоху.

Если честно, меня совершенно не интересовали эпохи, предшествовавшие эре Сепаратизма, которой я также интересовался постольку-поскольку – кому это вообще может быть сегодня любопытно? Все, что мне хотелось, так это немного позлить Каролину Наумовну – в шутку, разумеется, – но дядя Наум воспринял просьбу гостя серьезно и пустился в пространные объяснения. Сосед ринулся в глухие исторические дебри и начал оперировать такими заковыристыми терминами, что уже прозвучавшие сегодня «троглодит» и «палеолит» показались мне словами, знакомыми с детства. Из лекции Кауфмана я усвоил одно: хорошее время палеолитом не назовут. Мыслимое ли дело: драться палками, шарахаться от огня и

зубастых тварей, жрать сырое мясо на завтрак, обед и ужин, при этом радуясь, что едят не тебя…

Кстати, о еде!

– Вкусно пахнет, дядя Наум, – принюхавшись, ненавязчиво вернул я хозяина из его экскурса к истокам цивилизации. – Похоже, вы тоже додумались, каким образом добыть огонь из ничего. Расскажите-ка лучше об этом – очень любопытно, знаете ли.

Мой прозрачный намек следовало понимать как «расскажите за обедом».

– Пойдемте на кухню, капитан, – махнув на отца рукой, поманила меня за собой Каролина. В ее голосе послышалось дружелюбие. Или мне это с голоду почудилось? – Уж не обессудьте: мы не ждали гостей, поэтому накрыли стол на кухне. Папа, ты идешь или как?

– Да-да, Кэрри, уже иду, – закивал дядя Наум и, дождавшись, пока дочь удалится, вполголоса со вздохом добавил: – Мой ангел-хранитель. Что бы я таки без нее делал…

Кухня Кауфманов оказалась не менее оригинальной, чем их экзотический особняк. В отличие от моей, она была большой и просторной. Наряду с обязательными кухонными атрибутами, что имелись и у меня, – комбайн, утилизатор, водогенератор, фростер, – здесь присутствовало множество других, непонятных и громоздких приспособлений. Из них я узнал только стол, невероятно большой и сработанный из дерева; похоже, Наум Исаакович питал к деревянным предметам особую страсть. О предназначении остального – пышущего жаром железного ящика в углу, развешанной по стенам старинной медной посуды, загадочного агрегата, из которого сочилась тоненькая струйка воды, – я мог лишь догадываться. Правда, кое о чем я догадался сразу: все эти незнакомые кухонные устройства определенно не являлись современными разработками. Да и выглядели они так, словно их доставили из далекого-далекого прошлого. Палеолита, например.

Заметив, что я остановился в нерешительности, Каролина хитро улыбнулась и ничего не сказала, а дядя Наум взял меня за руку и, проводив к столу, едва не насильно усадил напротив накрытой крышкой медной посудины. Описывать словами аромат, что исходил от посудины, было бы делом неблагодарным. Заветная курочка – причина моего незапланированного визита к соседям – без сомнений, скрывалась именно под медной крышкой.

– Я вас прошу, молодой человек, не надо стесняться. – Хозяин этой загадочной комнаты был само гостеприимство. – Честно признаюсь, мы с Кэрри редко принимаем гостей. Так что если вдруг наши манеры покажутся вам грубыми, не обращайте внимания…

Кэрри фыркнула:

– Папа, ты не осмелишься на грубость, даже если троглодиты поймают тебя и начнут поедать заживо. – Усмешливый взгляд в моем направлении. – Так что пользуйся моментом и выучи у капитана Гроулера пару-тройку грязных ругательств. Уверена, он знает их предостаточно… Ладно, ешьте давайте.

Два раза повторять не пришлось.

Любопытство переполняло меня, и я все время порывался засыпать словоохотливого соседа вопросами, но говорить с набитым ртом было, во-первых, неприлично, а во-вторых, просто невозможно. Поэтому следующие четверть часа мы молчали, энергично работая челюстями и обмениваясь мимолетными взглядами.

Больше смотрели, естественно, на меня. Смотрели с плохо скрываемыми улыбками, причиной которых был опять же я. Нет, я, безусловно, стремился не ударить в грязь лицом и старательно вспоминал правила поведения за столом, каким когда-то был обучен в интернате Гражданского Резерва и основательно подзабыл в дальнейшем. Самым лучшим выходом из щекотливого положения было наблюдать за Кауфманами и вести себя так, как они – воспитанные культурные люди. Получалось или нет? Скорее нет, чем да. Впрочем, Кауф-

маны восприняли мою «недовоспитанность» как само собой разумеющееся: иного они от троглодита просто не ожидали.

Век живи – век учись, скажет чуть позже Наум Исаакович совсем по другому поводу. Прискорбно, что нельзя было запомнить все, чему учил меня впоследствии этот уникальный человек, но это его замечание я не забыл. В ходе того знаменательного обеда я открыл для себя истину, что, оказывается, курица – не животное, а птица, притом птица довольно костлявая. Куда девались кости из куриц, которых жарил Бэримор, до сих пор остается для меня загадкой, ибо в Привычном Старом Мире курятина сроду не колола мне десны. Дядя Наум и Каролина с интересом наблюдали, как я пристально изучаю обглоданные кости и решаю, стоит ли их тоже съесть или все-таки воздержаться. Пришлось воздержаться, поскольку никто из хозяев кости в пищу не употреблял. Кажется, Кэрри оказалась разочарована: троглодит приобщался к правилам хорошего тона и лишал ее замечательного повода для насмешек.

Пивное опьянение у меня постепенно прошло, в голове прояснилось, а в желудке воцарилась приятная сытая тяжесть. Настроение после утренних потрясений немного приподнялось, чему также способствовала теплая домашняя атмосфера, царившая в этих стенах. Обглодав последнюю косточку, я покрутил ее в пальцах, изучая, после чего вовремя вспомнил, что воспитанные люди всегда должны благодарить друг друга за угощение.

– Отменная курица, Наум Исаакович. – Я почтительно кивнул. – Спасибо за вкусный обед. Как оригинально приготовлено. Сроду не ел ничего восхитительнее.

– Не мне спасибо, а Кэрри, – поправил меня Кауфман. – Это она здесь хозяйничает. У нее на кухне я такой же гость, как и вы. А что восхитительно – это правда. Свежая курятина – она таки всегда приятнее тех замороженных мясных кирпичей, что ваш слуга обычно заряжает в комбайн.

– Свежая курятина? – переспросил я. – Как вас понимать?

– Так и понимайте: еще три часа назад это глупое пернатое создание кудахтало у нас на заднем дворе, – развел руками дядя Наум.

– И как оно туда попало? Ни разу не видел, чтобы в округе летали такие крупные птицы.

Здесь уже и воспитанные Кауфманы не сумели удержаться от смеха.

– Вы нас удивляете, молодой человек, – произнес хозяин, продолжая улыбаться. – А впрочем, почему «удивляете»? Наоборот, ваши вопросы вполне естественны для обычного современного человека с обычным запасом знаний. Конечно же, курицы не летают, и дядя Наум не стреляет в них из окна из нервно-паралитического стиффера. Все куда проще: когда-то давным-давно я служил на птицеводческой ферме в Дели. Уходя в отставку, я и купил там несколько этих не особо прожорливых птичек. Пока вез их домой, бедняжки подняли в боте жуткий гвалт – не понравилось им кататься с восьмикратной звуковой скоростью. Они ведь у нас обычно в живом виде и не путешествуют. Я соорудил для курочек вольерчик, рассчитал им рацион, и теперь эти милые твари вот уже много лет несут нам яйца, высиживают птенцов и накапливают жир. Все, что от меня требуется, так это кормить их, запускать к ним в клетку клинер-модуль да регулировать их популяцию, кушая самых разжиревших.

Кауфман говорил об этом так обыденно, словно вел речь о широко распространенном среди пенсионеров увлечении, наподобие выращивания благоухающей флоры или содержания пушистой фауны. Ну с кошками и собаками все ясно: я тоже могу подолгу с умилением наблюдать за игрой какого-нибудь лопоухого шпицбергенского добервейлера – снимает стресс и все такое… Но держать у себя в доме стаю громадных птиц, чтобы поедать их!.. Сдается мне, это далеко не последнее чудачество дяди Наума, о котором я узнаю. Таинственный человек дядя Наум… хотя и открытый.

– Обожаю рубить куриные головы, – заметила Каролина с плотоядной улыбкой. – Нет лучшего способа высвободить негативные эмоции. Не надо никаких релаксантов – дайте

только топор и курицу. Когда-то мы еще держали кроликов, и я давно прошу папу снова купить их – шкурки с кроличьих тушек сдирать куда проще, чем выщипывать птичьи перья. Но папе надоела крольчатина… Капитан, с вами все в порядке?

О да, конечно, в порядке! Не обращайте внимания на мою отвисшую челюсть, на самом деле я совершенно спокоен! Что здесь необычного: папаша растит дочурке зверушек, а она, счастливо улыбаясь, обезглавливает их на заднем дворе, после чего жарит вон в том горячем железном ящике; кстати, вспомнил, как он называется: печка!.. Затем, выплеснув накопившуюся за день негативную энергию, Кэрри зовет папу, и милое семейство Кауфманов садится ужинать и пить кофе…

– Хотите кофе, капитан? – осведомился дядя Наум – добрейшей души человек, подаривший родному дитя для его любимого занятия острый топорик.

– Да, спасибо… – автоматически отозвался я, не сводя глаз с обворожительной улыбки сидящей напротив куроубийцы. Пожалуй, чашка кофе – это как раз то, что мне сейчас нужно. Столько эмоциональных потрясений за день, поэтому требуется прийти в себя. Если, конечно, кофе еще способен мне в этом помочь.

– Вы с самого начала видели, что творилось сегодня в соседнем районе? – Я решил перевести беседу на актуальную тему, хотя перед глазами у меня продолжали маячить безголовые курицы и летать окровавленные перья, а в ушах отчетливо слышался стук топора.

– Да, конечно, – подтвердил Наум Исаакович. – Весь день не отхожу от окна, смотрю в бинокль… – Он кивнул на свой оптический прибор, висевший тут же на стене рядом с кухонной утварью. – То, что происходило в соседнем районе, – страшно. Действительно страшно, поверьте мне, молодой человек. Меня до сих пор жутко трясет.

В доказательство он вытянул перед собой ладонь. Та и впрямь едва заметно подрагивала.

– И что вы думаете по поводу всех этих аварий? – спросил я.

– Что думаю? – За секундную паузу на выразительном лице Кауфмана успел смениться практически весь спектр эмоций. Среди них отсутствовала только радость. – Имеет место громадное несчастье. Могу ли я назвать его причину? Пожалуй, лишь приблизительно. Пугает, почему таки бездействуют контролеры? Вы помните, чтобы они когда-нибудь бездействовали? Вы помните на своей памяти такой продолжительный кризис?

– Вообще не припоминаю даже что-то близко похожее на кризис, – признался я. – Обычно все неприятности со мной случались на турнирах. Вне арены – крайне редко. Да и разве то были проблемы? Так, мелочи… Дома проблем не было никогда. Так в чем же может быть причина?

– Точно не скажу, но, видимо, имеет место целая совокупность неприятностей, случившихся в одно и то же время, – пожал плечами Наум Исаакович. – Иными словами, непредсказуемый форсмажор, против которого оказались бессильны стандартные методы устранения неполадок. Ну хорошо, вот вам пример: предположим, я подавился за обедом крошкой. Ваши действия?

– Стукну вас по спине, – не долго думая ответил я.

– Спасибо, вы настоящий друг, – поблагодарил Кауфман. – Только умоляю: если, не приведи господь, подобное случится, бейте дядю Наума нежнее – он ведь почти тридцать лет как пенсионер. Но вы поступите абсолютно закономерно. Есть причина – тут же появляется следствие. Однако усугубим ситуацию. Предположим, что, подавившись крошкой, я начал дергаться и опрокинул на себя кипяток, а затем поскользнулся, упал и свернул себе шею. После этого вы тоже станете стучать меня по спине?..

Каролина тем временем подошла к печке и водрузила на нее экстравагантную посудину: пузатую, с длинным кривым носиком и изогнутой ручкой. Посудина тут же принялась недовольно сипеть и посвистывать, будто выражала протест против своего нахождения на

горячей плите. С каждой минутой доносившиеся до меня звуки становились громче и раздражительнее, и вскоре из отверстия в крышке посудины повалил пар. Кэрри незамедлительно среагировала на это, сняла медного свистуна с печи и принялась разливать по чашкам с уже насыпанным кофе крутой кипяток. Натуральный кипяток, полученный без помощи кухонного комбайна!

Чудеса продолжались.

Опасаясь, как бы приведенный Кауфманом пример с кипятком не воплотился в реальность, я отодвинулся подальше от стола. Дядя Наум рассказывал столь живо и убедительно, что наверняка сумел бы заставить меня бояться даже собственной тени.

– Скажите, в какой отрасли вы несли Службу? – спросил Наум Исаакович.

Вместо меня ответила Каролина:

– Папа, я, кажется, говорила тебе, что капитан Гроулер не был контролером, – сказала девушка. Я с интересом посмотрел на нее – откуда, дескать, у вас, милая, такая осведомленность? – и она, глядя на отца, спешно пояснила: – Помнишь, ты утром уже спрашивал о капитане? Ну, когда у него окно разбилось.

– Да-да-да, припоминаю, – закивал дядя Наум. – Точно, спрашивал. Действительно, вы же в спорте без малого десять лет, а спортсмены в молодости освобождаются от Службы… Разрешите полюбопытствовать, как вы вообще угодили в реал-технофайтинг из интерната Гражданского Резерва?

– Прошел психооценку и распределение, как и все. Ведь никто не отнимает у незаконнорожденных право на распределение… В отличие от некоторых других прав. Система Психооценки нашла меня чрезмерно агрессивным, так что будущее реал-технофайтера было мне, можно сказать, уготовано.

– На диво безупречное получилось распределение, – саркастически произнесла Кэрри, пододвигая мне чашку с кофе. – Чрезмерная агрессивность! Точнее не скажешь. Нет, лично я против вашей команды и вас конкретно ничего не имею. В какой-то мере даже вас понимаю – мягкотелым среди реалеров не место, – но, по-моему, вы просто не замечаете грань между спортом и обычным побоищем. Несколько лет назад такой стиль игры был весьма популярен, однако сегодня он себя явно изжил.

– Так вы, оказывается, поклонница реал-технофайтинга! – заметил я. – И за кого болеете?

– Уж точно не за «Молот Тора», – язвительно ответила Каролина. Могла бы не говорить – я уже догадался. – В спорте я ценю благородство и красоту, до которых вам с вашей агрессивностью еще ой как далеко. Поэтому болею за Ахиллеса и его «Всадников Апокалипсиса». Ахиллес – великий человек! Он сумел воодушевить команду после хорошо известной вам гибели их капитана и повести «Всадников» за собой к победе. Ахиллес и «Всадники Апокалипсиса» – эталон для современных реалеров. И поэтому они сегодня чемпионы.

– Ахиллес!.. – вполголоса проворчал я. – Надо было сразу догадаться – все теперь болеют за бесподобного Ахиллеса. Благородство и красота, говорите? Что-то не замечал за «Всадниками» ни того, ни другого. Впрочем, с трибун, наверное, видней. Не буду оправдывать «Молот Тора», он играет, как умеет. И он еще станет чемпионом, уверяю вас.

– Жутко сомневаюсь!..

– Молодые люди! – Наум Исаакович позвенел ложечкой о чашку. Он вовремя почувствовал, что обстановка за столом накаляется, и поспешил вмешаться: – Нашли время спорить! Капитан Гроулер, я спросил вас, состояли ли вы на Службе, не ради праздного интереса. Служи вы в молодости контролером, вам было бы проще вникнуть в смысл моих слов. Но вы неглупый человек и вникнете в любом случае, могу обещать. И не наводите на себя напраслину – какая такая чрезмерная агрессивность? Ерунда все это! Вы – вполне нормальный человек, уж мне-то можете поверить, я жизнь прожил… Так вот, возвращаясь к вашему

вопросу: что есть Контрольная Служба в целом и контролер в частности? Сужу, конечно, по личному опыту, но думаю, что сужу объективно. Чем я занимался на Службе? Тем же, что и все: сидел за терминалом «Серебряных Врат» по три часа в день и поддерживал порядок во вверенном мне секторе. Я служил диспетчером, принимал сигналы о неполадках и сбоях, потом переадресовывал их кому следует. Десять лет контролер Наум Кауфман исправно указывал коллегам, кого и где требуется постучать по спине. А они, в свою очередь, делали это, выполняя давным-давно выученные назубок инструкции. Потом я ушел в законную отставку. В тридцать лет, как и все контролеры. Как видите, не опустился до фиаскера, обустроил дом и вырастил красавицу-дочь…

После этих слов отца Каролина поджала губки и скромно потупилась. Она и впрямь «умела-таки немного стесняться». Что ж, дополнительная запись в реестр ее достоинств. Пока что небольшой реестр – кроме красоты и интеллекта Кэрри Кауфман, занимавших две верхние строки моего мысленного списка, больше в нем до сего момента отметок не было. Но они появлялись, и это вселяло оптимизм. Я не хотел оставлять в памяти о дочери соседа негативные впечатления.

– Неважно, в какой отрасли очутился контролер после распределения, – продолжал дядя Наум. – Все мы сидели за одинаковыми терминалами по три часа в сутки, четыре рабочих дня в неделю. И так десять лет служебного стажа, по истечении которого государство повышает нам социальный рейтинг и соразмерно заслугам обеспечивает пожизненной пенсией. Уходя в отставку, мы вольны творить все, что душе угодно: создавать семью, заниматься бизнесом, путешествовать или просто весь остаток жизни посвятить любимому хобби и воспитанию детей, как я. Такова награда Великого Альянса контролерам за их самоотверженный труд, учили меня с детства. И это более чем достойная награда, здесь даже глупо спорить. Каждый из нас делал на своем посту строго определенную работу, а вместе мы делали одно большое нужное дело…

Дядя Наум прервался и отхлебнул кофе. Похоже, беседа не только отвлекала Кауфмана от пережитого утром кошмара, но и оказывала на пожилого человека некий целебный эффект – давала выговориться и тем самым облегчала душу от скопившихся в ней страхов. Спустя полчаса после нашего знакомства Кауфманы выглядели уже не столь подавленными и озабоченными, как в тот момент, когда я переступил порог их дома. Общаясь с ними, я тоже понемногу свыкался с нашим незавидным положением, в котором все мы сегодня очутились.

Пока Наум Исаакович переводил дух, я старательно укладывал в голове его слова, недоумевая, почему он говорит о своем прошлом в таком грустном тоне. Кауфману было чем гордиться, и главная его гордость сидела сейчас напротив меня, притихнув и тоже внимая отцу. Положа руку на сердце следовало признать, что жизнь Наума Исааковича сложилась намного счастливее моей, хоть и не было в ней столь громкой славы и мировой популярности, коими всегда гордился я. Больше мне гордиться было попросту нечем…

– Большое нужное дело! – повторил дядя Наум. – Но что же конкретно это было за дело? Я десять лет манипулировал настройками терминала при помощи суфлера войс-командера. Кэрри вот уже два года занимается тем же самым в другой отрасли. Контролеры, что сидели в моем кресле до меня, тоже исправно твердили те же опостылевшие команды. И сто, и двести лет назад за терминалом находился такой же контролер и делал всю ту же работу. Я знаю, что говорю, – изучал историю. Контролеры стучат по спине виртомир, если тот вдруг поперхнется какой-либо мелкой неполадкой. В распоряжении контролеров есть аварийная отладочная подсистема «Контральто Д» – анализатор неисправностей, их устранитель, отладчик и диспетчер одновременно. Сложнейший механизм, существующий не одно столетие. Он был доведен в свое время до совершенства, и его надежность подтверждается гигантским сроком безупречной службы. Контролеры пользуются «Контральто Д» в любой критической ситуации, и за прошедшие несколько веков подсистема еще ни разу их не под-

водила… Вот мы и подобрались к главному, молодой человек. Я вас не утомил своей болтовней?

– Что вы, ничуть, – помотал я головой. – Очень интересно.

Каролина Наумовна скуксилась. Кажется, она была со мной не согласна, но вслух этого не выразила.

– Когда я еще находился на Службе, мне не давал покоя один вопрос. Если я задавал его кому-нибудь, на меня смотрели как на, простите, чокнутого фиаскера. Поэтому вскоре я перестал приставать к людям со своей теорией. А вопрос элементарный: что будет, если вдруг из сбалансированной системы сосуществования реального мира и виртомира «Серебряных Врат» выпадет какой-нибудь ключевой фрагмент? К примеру, источник энергии?

– Вы имеет в виду, что вдруг ни с того ни с сего возьмет и бесследно исчезнет конденс-поле? – усмехнулся я. – Ну и вопросик! Неудивительно, что вас принимали за ненормального. Куда же денется конденс-поле? Ведь оно как… как воздух!

– Вы таки слишком просто смотрите на жизнь, молодой человек, – укоризненно покачал головой Наум Исаакович. – Но ваша точка зрения вполне понятна: кому сегодня хочется забивать голову техническими тонкостями современного мироустройства? Только таким занудам, как я, которые лезут ко всем со своими дурацкими вопросами. Скажите-ка, на каком основании вы считаете воздух и конденс-поле вечными? Вечного на нашей планете ничего нет и быть не может в принципе. Один хороший гостинец из космоса, и мы – всего лишь горстка космической пыли.

– А Орбитальный Щит?

– Орбитальный Щит – не панацея. Периодически мы с успехом отстреливаем всевозможную метеоритную мелочь, но глупо полагать, что в Солнечной системе присутствует только она. Там тоже помимо булыжников есть свои горы. Причем немаленькие.

– М-да, есть над чем задуматься, – пробормотал я, вспоминая упавший с небес рудовоз, казалось бы, миниатюрный по космическим меркам, однако наделавший столько бед.

– Ну да бог с ними, с метеоритами, – вернул меня к теме Наум Исаакович. – Речь все-таки не о них. Сейчас мы говорим об отказе источника питания в гигантской сбалансированной системе. Вы правы: в нашем случае это конденс-поле. Я всегда пытался просчитать последствия его возможного отказа и всегда приходил к трагическим выводам. Что будет, если в мгновение ока исчезнет воздух? Трагедия – не то слово, молодой человек. Что будет, если исчезнет конденс-поле? Практически то же самое – наш мир зависит от конденс-поля не намного меньше, чем от воздуха. Только в первом случае мы умрем быстро, во втором – придется помучиться…

Я глядел на Кауфмана с недоверием. Откуда столь радикальный пессимизм? Пропажа конденс-поля! Куда ему деваться? Даже моих ограниченных знаний хватало, чтобы уяснить глупость такого предположения. Мы живем не в эру Сепаратизма, когда все в мире вращалось вокруг электричества, для получения которого требовалось неимоверное количество материалов и постоянно выходящих из строя механизмов. Что нужно для получения конденс-поля, так это сущий пустяк. Как говорят некоторые романтики – дитя от брака Марса и Венеры, и эти люди несомненно правы.

Освоение человечеством планет Солнечной системы подарило ему множество всевозможных неизвестных ранее минералов. Периодическая система химических элементов за довольно короткий срок разрослась настолько, что сегодня в ней с трудом разобрался бы даже ее отец-основатель. Перед исследователями конца эры Сепаратизма открылись новые, еще более просторные горизонты.

Особый интерес представляло создание химических соединений из веществ, обнаруженных на разных планетах. И вот в один прекрасный день российский ученый Иван Александрович Ковалев получил для исследований два новых металла – венерианский либерти-

ний и марсианский викториал. Довольно скоро Ковалев обнаружил, что при нахождении друг рядом с другом образцы металлов окружают себя общим красноватым ореолом, на поверку оказавшимся сильным энергетическим полем. Причем на качественные изменения неизвестного поля влияла как удаленность компонентов друг от друга, так и их пропорциональное соотношение. Иван Александрович углубился в исследования своего открытия и уже через год получил за него Нобелевскую премию. Сам того не ожидая, Ковалев одарил человечество альтернативой господствующему тогда на планете электричеству, дав миру невероятно мощный источник практически неиссякаемой энергии, названной впоследствии конденс-полем.

Конденс-поле полностью заменило электричество уже через полвека, чему способствовали неисчерпаемые залежи либертиния и викториала на их родных планетах. Централизованное производство электричества с его громоздкими электростанциями, протяженными силовыми линиями и намертво привязанными к ним энергопотребителями заменили автономные генераторы, устанавливаемые повсеместно и имеющие срок эксплуатации полторы сотни лет. Силовые линии представляли собой тонкое двужильное волокно, одна жила которого была сделана из либертиния, а вторая соответственно из викториала. Являющееся уже само по себе слабым источником конденс-поля, волокно это естественным путем усиливало идущий от генераторов энергетический поток, что позволяло делать последние достаточно малогабаритными. Стоявший у меня в особняке генератор занимал чуть больше места, чем модуль медицинского контроля, и в глаза не бросался.

Одно из величайших открытий человечества – конденс-поле – подарило нам не только дешевую энергию, но и решило вечную проблему транспортных перевозок. При строго определенной пропорциональности либертиния и викториала сооруженный из них контур выталкивал попадающие в него предметы со скоростью, в восемь раз превышающей скорость звука. Это свойство сплава инопланетных металлов, нареченного либериалом, вызвало бурный интерес у военных эры Сепаратизма – оружие, не требующее пороха, было в те годы весьма прогрессивной разработкой. Но со временем, когда уставшее от войн человечество вступило в эпоху массового объединения народов и упразднения границ, появилась предпосылка для создания Единой Транспортной Сети.

Тут-то второе открытие русского ученого Ковалева и было реализовано в полной мере. Разрушительная энергия либериаловых контуров переродилась в сугубо мирную и окончательно объединила землян. Так появился инстант-коннектор – Транс-сеть, опутавший планету паутиной магистралей; скоростное, экологически чистое, а главное, абсолютно безопасное, в отличие от транспорта эры Сепаратизма, средство передвижения. Боты инскона мчались во все концы Земли по гигантским вакуумным трубопроводам с установленными в них ускорительными контурами. Скорость ботов четко регулировалась переменной мощностью силовых полей, а комфорт-амортизаторы внутри кабины бота не позволяли пассажиру страдать от неимоверных перегрузок.

Упорядоченное движение автоматизированных ботов в закрытых магистралях избавило человечество от таких серьезных проблем, как транспортные катастрофы, ранее вызываемые различными факторами, от погодных до человеческих. Страшно подумать, как человечество столько веков терпело хаос из носившейся по и над планетой колесной и крылатой техники, чье движение регулировалось лишь сводом бесчисленных написанных на бумаге правил. Люди гибли в авто– и авиакатастрофах десятками тысяч ежегодно!

Дикая, дикая эра Сепаратизма!..

– … Успокойтесь, молодой человек, – приободрил меня дядя Наум. – Конденс-поле живо-здорово и никуда не делось. Это первое, в чем я поспешил убедиться сегодня утром. Мой генератор в порядке, как наверняка и ваш. Видите? – Он указал на горячую печь и

текущую в углу из трубки воду. – Мои верные помощники, которых я собрал своими руками по архаичным чертежам, работают как часы. И вы непременно хотите знать почему?

Кауфман хитро мне подмигнул.

– Мои-то часы как раз не работают, – возразил я. – Но вы правы: было бы очень любопытно выведать тайны вашего дома. Эти ваши… помощники кого угодно озадачат. Хотя, кажется, я разгадал, в чем их секрет.

Отец и дочь многозначительно переглянулись.

– Так-так, – азартно потер ладони Наум Исаакович. – Ну что ж, любезный сосед, тогда вам и слово. Поделитесь-ка с нами своими догадками.

– Ваша тайна на самом деле не такая и великая, – начал я. – С устройствами, работающими по сходному принципу, я уже неоднократно имел дело. Каролина Наумовна, как поклонник реал-технофайтинга, должна знать, что такое «громовержец» и блайндер…

– Это оружие реалеров, – пояснила Кэрри для отца. – Первое разит молнией, второе используют только великие мастера… И иногда капитан Гроулер. – Причислять меня к мастерам она отказывалась принципиально, да и черт с ней. – Чтобы стрелять из блайндера, надо иметь навык, поскольку он поражает только глаза. Узконаправленный луч света воздействует на сетчатку и дезориентирует противника. Хотя, насколько я помню, у капитана Гроулера лучше получается дезориентировать врага прикладом блайндера, нежели его вспышкой.

– Вы разбираетесь в оружии, – похвалил я девушку, пропуская ее сарказм мимо ушей. – И «громовержец», и блайндер устроены примерно одинаково: источник питания, конденсатор и простейшая схема производства выстрела. Никакого программного обеспечения – только полуавтоматический прерыватель стрельбы. И наше примитивное оружие прекрасно справляется со своей задачей. Ваши «помощники» работают по аналогичной системе. Такому сообразительному человеку, как вы, дядя Наум, не составило труда подключить их к генератору и заставить выполнять одну-две несложные функции. К примеру, нагревать термоэлемент или качать воду из резервуара. Могу поручиться, что так оно и есть.

– Дьявол! – ругнулась Кэрри, огорченно хлопнув себя по коленям. – Да, папа, капитан Гроулер действительно не так неотесан, как кажется. Совершенно невероятно! Даже поверить не могу!

– Кэрри, следи-таки за речью! – пожурил ее отец, после чего, довольно улыбаясь, пояснил: – Перед тем как вы помогли нам открыть дверь, я уверил дочь, что вас не шокирует наше оригинальное убранство, а она была со мной не согласна. Как видите, прав оказался я. Я убедился, что вы – неординарная личность, едва только вас увидел.

– Вот как? – удивился я. – И что конкретно убедило вас в моей неординарности? То, чем я занимался за углом собственного дома и что вы успели заметить в ваш бинокль?

– Да будет вам дуться по поводу того курьезного эпизода, – сконфузился Наум Исаакович. – Все мы люди, с кем не бывает? Нет, капитан, ваша неординарность кроется прежде всего здесь. – Он коснулся пальцем своего тронутого сединой виска. – Где ваш ключ, позвольте спросить?

– Оставил дома. Какая от него сегодня польза?

– И что вы чувствуете, разгуливая по улице без инфоресивера?

– То же, что и если бы, простите, вышел без штанов, – честно признался я.

– Но тем не менее вы не паникуете, как любезная Гертруда и тот грубиян на стоянке инскона?

– Я не привык паниковать, даже когда знаю, что проигрываю игру. Так что мертвыми инфоресиверами, виртуальными дворецкими и прочими членами их издохшей компании меня подавно не напугать.

– Но ведь их отказ тоже может причинить травму – душевную, – возразил Кауфман.

– Понятия не имею, о чем вы. Реалер не может позволить себе такую роскошь – страдать от душевных травм, – пояснил я. – Душевные страдания игрока могут испортить игру всей команды. Когда-то мне крепко вбили в голову одну простую истину: душа – не конечность, поэтому душу нельзя травмировать.

– Занятная философия.

– Папа, не спрашивай капитана Гроулера о чуждых ему вещах, – перебила отца Кэрри, но дядя Наум ее не послушался и терпеливо разъяснил:

– Под душевными травмами я предполагал то, что вы наблюдали у встреченных вами утром людей. Разве вы не заметили странностей в их поведении?

– Еще бы не заметил! – подтвердил я. – Так, значит, все они… травмированные душой? А я-то решил, что они просто сбрендили. Бегают, суетятся, психуют… Чего, спрашивается, психовать? Один черт, рано или поздно все образуется.

– Нет, я таки потрясен вашим самообладанием! – покачал головой Наум Исаакович. – Кстати, о нем и идет речь. Железное самообладание – редчайшее в наше время явление! Жуткий анахронизм! До встречи с вами мне еще не доводилось сталкиваться с человеком, имеющим такую выдержку. Надо полагать, это у вас профессиональное качество, без которого в спорте просто не выжить. И прекрасное качество, замечу. В ваших глазах, движениях, манерах есть что-то такое… такое…

– Звериное, – подсказал я, поскольку знал капитана Гроулера куда лучше, чем кто-либо из сидящих в комнате.

– Именно! – поднял палец Кауфман. – Но в хорошем смысле этого слова. Звериное, природное, естественное… То, что всегда помогало людям выживать в трудные времена. В вас это состояние выражено особенно сильно. Вам известно что-нибудь о войнах начала эры Сепаратизма?

– Немного. Тогда вроде бы даже порохом не пользовались.

– Верно. Огромные армии сходились на просторных полях и, бывало, сражались по нескольку суток кряду. Люди бросались на копья, мечи, стрелы и умирали тысячами. Какое безграничное самообладание надо было при этом иметь! Я часто задумываюсь над тем, сколько еще полезных качеств растеряло человечество в процессе эволюции. Когда-то люди хладнокровно рубили друг друга на куски и умывались вражеской кровью, а мы впадаем в безумие оттого, что не можем выйти из дома или определить персон-маркер собеседника. Человечество отдалилось от своей природы, капитан. И отдалилось весьма сильно. Мы научились очень достойно жить, но одновременно разучились выживать. Это плохо. Того, кого взрастили в раю, ад убьет одним своим видом.

– Ну вы-то, дядя Наум, и в аду прекрасно устроились, – заметил я. – Едите жареных курочек и попиваете горячий кофе. Маленький островок рая посреди адского хаоса. А вот я со всем своим самообладанием, чтобы не умереть с голоду, вынужден довольствоваться вашим гостеприимством. Так кто же из нас более приспособлен к жизни?

– Вы таки всерьез убеждены, что видите за окном ад? – ответил вопросом на вопрос Наум Исаакович и снова помрачнел. – Падающие здания, дым на горизонте и паника на улицах навели вас на подобные мысли? Молодой человек, уверяю вас: это еще не ад и даже не чистилище. Это пока лишь порог райских врат, где отвергнутые души остаются ни с чем. Ад ожидает нас впереди. Разумеется, если наша ситуация не выправится в ближайшие дни. Иначе… Вы себе представляете, как изменится мир уже через месяц? А через год?

– Но что же все-таки конкретно произошло, дядя Наум? – вернулся я к оставленной нами теме. – Генераторы конденс-поля в порядке, следовательно, основа основ нашего мира на месте. Одна причина отпадает. Может быть, все дело в контролерах? Что-нибудь вроде массового невыхода на работу. Знаете, как в древности, когда требовалось выразить протест или еще какое недовольство…

– Да, история знавала подобные катаклизмы, которые порой приводили к тяжким последствиям. Однако… – Наум Исаакович поморщился. – Ваша логичная на первый взгляд версия лишена главного. В ней есть только следствия, но нет причины. Назовите мне причину, по которой современный контролер должен учинять забастовку? Чем он может быть недоволен? Трехчасовым рабочим днем? Четырехдневной рабочей неделей? Изматывающим трудом? Недостойным жалованьем? Выходом в отставку в тридцать лет, когда у него еще вся жизнь впереди? Нет, конечно, недовольные Службой имеются и в наше время, но вряд ли их недовольство обретет когда-либо массовый характер. Наши забастовщики – это фиаскеры-одиночки на фоне многомиллиардной армии законопослушных контролеров, презирающих лентяев. Но если вы таки настаиваете, чтобы дядя Наум дал вам самую правдоподобную причину кризиса, я попробую. Кэрри, милая, среди вас, молодых, еще гуляет легенда о Синем Экране Смерти или она давно не популярна?

– Гуляет, папа, – ответила Каролина. – Не сказать, что она особо популярна, но по крайней мере молодым контролерам ее пока рассказывают.

– Синий Экран Смерти? – переспросил я. – Никогда не слышал такую легенду. Хотя среди реалеров тоже ходит много подобной чепухи: призраки старых полигонов, проклятое оружие, плохие знамения перед турниром… А что за Синий Экран?

– Очень древняя история… – Наум Исаакович откинулся на спинку кресла и скрестил пальцы на животе. – Заря современной цивилизации, первые примитивные модули – носители искусственного интеллекта. Общаться с ними было тяжело и неудобно – очень уж медленно они работали. Только-только появился прообраз «Серебряных Врат», который был лишь небольшим пакетом рабочих и контрольных программ, что вручную устанавливались непосредственно на каждый модуль. Тогда никто еще не отождествлял «Врата» с Единым Информационным Пространством, которому на самом деле в те годы было уже больше века. Да и Единым его не называли – оно дробилось на множество видов связи, существующих параллельно и подчиненных разным ведомствам.

– Представляю, какой хаос творился тогда в виртомире, – заметил я.

– Не то слово, молодой человек, – кивнул Кауфман. – Существовали даже такие понятия, как информационные войны и киберпреступность. Это уже потом, после всеобщего упразднения границ, «Вратам» привили мощный искусственный интеллект. Они перестали быть бездушной операционной системой и превратились в несокрушимые «Серебряные Врата» – первого помощника человека во всем, передатчика информации и хранителя мировых знаний. Создатели «Серебряных Врат» обрели такое влияние, что смогли монополизировать Пространство, обратить его в Единое и в кои-то веки навести там порядок. Но на закате эры Сепаратизма, когда несовершенные модули с несовершенным искусственным интеллектом оперировались столь же несовершенными «Вратами», строптивость машин была явлением повсеместным и привычным. Сейчас уже никто не скажет вам, что доподлинно означает Синий Экран Смерти. Известно одно – тот, кто видел его перед глазами, имел дело с мертвым оборудованием. Синий Экран был этаким предсмертным вздохом наделенного искусственным интеллектом модуля и воспринимался древним контролером как катастрофа.

– Когда я только поступила на Службу, – продолжила за отцом Кэрри, – старшие коллеги рассказали мне, что, согласно старому преданию, в день наступления Конца Света пикры на терминалах контролеров будут светиться синим огнем. Якобы именно поэтому мы испокон веков носим форму красного цвета и не держим возле терминала синих вещей – мол, незачем вгонять искусственный интеллект «Серебряных Врат» в траурное настроение. По той же причине контролеры не произносят на Службе слово «синий», а ругательства наподобие «да гори оно синим пламенем» не рекомендуется употреблять даже в мыслях. Таковы

неписаные правила, с которыми у нас знакомят всех новичков. Абсурд, конечно, но… прочно укоренившийся и переросший в традицию.

– Любопытная сказка, – заметил я с горькой усмешкой. – Жаль, нельзя проверить, правдива она или нет. Только почему эта легенда кажется вам самой логичной, дядя Наум? Вы не видели причины в моей теории, а я не вижу в вашей. Отказ систем жизнеобеспечения, Транссети, «Серебряных Врат»… С чего бы вдруг терминалам контролеров загораться синим пламенем?

– А вы таки вспомните, о чем вы с вами только что говорили: редчайшее стечение неприятных обстоятельств. Каскад причин, порождающий лавину следствий. При всем совершенстве отладочной подсистемы «Контральто Д» нашелся-таки и для ее зубов крепкий орешек. Не справлявшиеся с проблемой древние модули капитулировали, выбрасывая в таких случаях белый флаг – Синий Экран. «Серебряные Врата» поступили в аналогичной ситуации сообразно своему предку. В сущности, такое их поведение вполне логично. Как в природе – от мощного стресса организм впадает в кому. Что-то послужило для виртомира сильным источником раздражения, что и вызвало у него подобную защитную реакцию. Но меня больше волнует другой вопрос: помнят ли приемы экстренной реанимации те, кто веками только и делал, что стучал пострадавшего по спине? Вот тут я, молодой человек, жутко сомневаюсь…

Первая ночь, проведенная мной в Жестоком Новом Мире, выдалась бессонной. Я ворочался на кровати, которая впервые казалась мне такой жесткой и неуютной. Из разбитого окна тянуло холодом и страхом. От холода спасал теплый плед, а вот от страха спасения не было. Глядя на луну, взошедшую над погруженным во мрак миром, я испытал натуральное звериное желание завыть от тоски – во весь голос, протяжно и жалобно. И наверняка завыл бы, наплевав на все приличия, если бы не открытые окна в доме Кауфманов – моих новых добрых знакомых, у которых я провел весь день и даже разрешил им уговорить себя остаться на ужин.

Освещение в особняке соседей функционировало так же исправно, как и печь с подведенным к ней резервным водяным отоплением. Однако хитрые приспособленцы намеренно не зажигали лайтеры, дабы не собрать вокруг своего жилища столпотворение из отчаявшихся соседей. Да и не только соседей – свет окон кауфмановского особняка был бы единственным источником света на видимом почти до горизонта подлунном пространстве. Что творилось бы окрест наших домов утром, страшно было вообразить. Предусмотрительные дядя Наум и Кэрри хоть и являлись на редкость гостеприимными людьми, принимать гостей в таком несметном количестве не собирались. Куриный вольерчик, любезно продемонстрированный мне птицеводами-любителями, вряд ли насытил бы голодную ораву паломников, что неминуемо стянулись бы поутру к обители Кауфманов.

Прежде чем лечь в постель, я долго шатался из угла в угол спальни, периодически подходя к окну и с тревогой всматриваясь в горизонт. Далекое зарево полыхало на Алтае и чуть слабее багровело на западе – там, куда утром рухнул с орбиты злосчастный рудовоз.

Дядя Наум высказал предположение, что падающие рудовозы были для нас не единственным источником смертельной опасности. По мнению соседа, больше всего следовало бояться инстант-коннектора, чьи боты при отказе систем управления могли оказаться полностью неуправляемыми. Автоматическая система торможения и остановки ботов размыкала ускорительные либериаловые контуры, после чего боты плавно сбрасывали скорость от восьмикратной звуковой до нуля. Если же в связи с кризисом где-то в стоп-зонах инстант-коннектора остались неразомкнутые контуры… Последствия от прибытия на финишные пункты разогнанных до максимальных скоростей ботов должны были оказаться не менее

разрушительными, чем от падений космических перевозчиков. А если еще брать в расчет загруженность межконтинентальных хайвэев…

У дяди Наума не находилось слов и мужества, чтобы толком описать мне свои догадки, и он лишь удрученно качал головой.

Я волновался за Сабрину – ей частенько доводилось пользоваться Транс-сетью. Трудно было представить, что инстант-коннектор – средство, с давних пор объединяющее человечество, – превратился в массового убийцу. Жуткий кошмар, до которого так и не додумались создатели разнообразных виртошоу ужасов. Действительность превзошла все фантазии, в том числе самые немыслимые…

Искать спасения от окружающего ужаса в спиртных напитках я даже не пытался. Бежать от действительности – удел ничтожеств. Вот мой сосед Наум Исаакович Кауфман – пожилой человек, а выдержки и силы духа у него не меньше, чем у любого из реалеров. И Кэрри под стать отцу – спокойна и даже пытается иронизировать. Плоские у нее шутки, конечно, но сам факт того, что она способна шутить в сложившихся обстоятельствах, делает ей честь. Так неужели мой дух слабее и я позволю себе опуститься в глазах стойких соседей?

Существовал и вполне прозаический довод против пьянства: нагревшееся за день пиво пить уже не хотелось.

Безжизненный мрачный пейзаж за окном не только пугал, но и в какой-то степени завораживал. Такого реалистичного пейзажа не мог продемонстрировать ни один ландшафт-проектор, а потому, глядя в окно на злую холодную луну, призрачно-черные силуэты деревьев и зарево на горизонте, я испытывал ощущения, сходные с теми, какие обрушились на меня при первом взгляде на настоящий океан. Не то восторженный испуг, не то испуганный восторг, вызывающий трепет перед естественной природной красотой. Вот только при созерцании безграничного океана восторга во мне было все-таки куда больше, чем испуга.

Собрав все теплые одеяла, что удалось отыскать в темноте, я укутался ими с головой и, проворочавшись еще с полчаса, все же заснул. Последнее мое пожелание самому себе было не «спокойной ночи». Я пожелал, чтобы утром меня, как обычно, встретил брюзжащий старик Бэримор, а все пережитое вчера оказалось лишь кошмарным сном. Исключая, разумеется, визит к Кауфманам. Не знаю, какие впечатления остались у них после знакомства со мной, но для меня время, проведенное у соседей, было единственным светлым воспоминанием о вчерашнем дне.

Точно неизвестно, сколько я проспал, вымотанный переживаниями и согретый толстыми одеялами. Но разбудил меня не занудный баритон виртуального дворецкого, а обеспокоенный голос вполне живого человека. Однако занудливости в том голосе было столько, что ее, без сомнения, хватило бы на десяток Бэриморов.

– … Да проснитесь вы наконец, капитан Гроулер! – с укором требовал ходивший где-то внизу, под окном, дядя Наум. Судя по раздраженному тону соседа, он будил меня уже довольно давно. – Как вы можете спать, когда вокруг столько шума? Прошу вас, поднимайтесь! Разве не слышите: нас с вами умоляют о помощи! Капитан Гроулер! В вашем возрасте много спать – вредно!..

Первым моим позывом был метнуть в зануду подушкой (против Бэримора такой прием не действовал, поскольку через голопроекцию дворецкого подушка пролетала насквозь – проверено, и не единожды). Однако я воздержался от грубости. Но не из уважения к пожилому человеку, а оттого, что по собственной глупости мог утратить почетное право помогать Кауфманам в регулировании популяции их курятника. Потерять такую привилегию в нынешних суровых реалиях значило лишить себя последнего удовольствия в жизни.

– В чем дело, дядя Наум? Стряслось что-нибудь серьезное? – стараясь придать голосу дружелюбие, с неохотой откликнулся я, выкапываясь из-под одеял. За окном уже рассвело,

но солнце еще светило неярким багровым светом. Сказать по правде, давненько не просыпался в такую рань. – Погодите минутку, сейчас выйду!..

Пока продирал глаза и напяливал штаны, сумел вычислить причину, напугавшую Наума Исааковича, благо определить ее можно было уже на слух. Мирную утреннюю атмосферу будоражили несмолкаемые беспорядочные стуки и приглушенные человеческие крики. Какофония раздавалась отовсюду. Походило на то, что все жители нашего мегарайона состязались, кто из них быстрее развалит голыми руками собственный дом. Поражали единодушие и энтузиазм, с коими добропорядочные граждане предавались своему занятию. Крепко же я спал, раз не расслышал прелюдии этого впечатляющего концерта!

Кауфман бегал вокруг тумбы от ландшафт-проектора, бубнил что-то под нос и нервно жестикулировал. Облаченная в брючный костюмчик, очаровательная злючка Кэрри сидела на газоне неподалеку и недовольно поглядывала то на отца, то на выбитое окно моей спальни. На траве рядом с ней лежал совершенно не подходящий для хрупкой девушки инструмент. Да, именно тот самый инструмент, на котором, по-моему, даже издалека различалась запекшаяся кровь невинных пернатых.

Вполне закономерно, что я не знал, как выглядят допотопные раритеты наподобие печей, чайников и насосов, но не разбираться в древнем оружии для реал-технофайтера непростительно. Топор! В руках я его еще не держал, но о правилах эксплуатации сего примитивного орудия представление имел. Семейство Кауфманов вышло в Жестокий Новый Мир подготовленным к любым неожиданностям.

– Доброе утро, любезный сосед! – завидев меня, приветливо помахал рукой Наум Исаакович. Каролина лишь коротко кивнула. – Жутко извиняюсь, что разбудил, но разве можно спать, когда отовсюду слышится глас вопиющих о спасении?

– Чего это они разорались? – полюбопытствовал я, зевая. – Я что-то пропустил?

– А вы таки проверьте ваш ключ, – порекомендовал дядя Наум.

– Если вспомню, куда его задевал… – Я оглянулся в поисках инфоресивера, но на обычном месте его не оказалось. – И что я там увижу?

– Такое непременно надо посмотреть самому…

Я пригляделся получше и вскоре обнаружил то, что искал. Ключ валялся возле кровати, задрав вверх свои паучьи лапки-биомагниты. Сразу бросилось в глаза, что микролайтеры на них светились, демонстрируя готовность ключа открыть для меня «Серебряные Врата».

– Наконец-то! – проворчал я, однако облегчения почему-то не испытал. В душу закралось нехорошее предчувствие, какое раньше терзало меня при выходах на пустынные полигоны стадиума – где-то поблизости засада противника, но определить, где конкретно, не удается. Вот и сейчас: инфоресивер явно функционирует, а вокруг вместо радостных криков только вопли отчаяния… Да и Наум Исаакович с дочерью что-то не выглядят счастливыми.

Я поднес приборчик к виску, и биомагниты прилипли к коже – значит, связь с «Вратами» все-таки есть. Пикр также исправно развернулся вуалью перед глазами…

…И тут же наградил меня ослепительной синей вспышкой. Никаких музыкальных заставок, никакой обязательной надоедливой рекламы при входе в виртомир – лишь сплошная синева, холодная и молчаливая.

Мертвая!

Так вот ты какой – Синий Экран Смерти, предвестник Конца Света…

– Можете ничего не говорить – мы с Кэрри тоже видели это. – Наум Исаакович сразу уловил мое подавленное настроение, когда я вновь приблизился к окну. Сам он, впрочем, угнетенным не выглядел. Каролина тоже. У этой семейки, готовой ко всем случаям жизни, где-нибудь наверняка припрятаны огнеупорные скафандры для адского пламени, что будет гулять по планете при Апокалипсисе.

– А что надо сказать? – пожал я плечами. Настроение на всю оставшуюся до Конца Света жизнь было испорчено. Захотелось подобно тем несчастным узникам собственных домов заорать от безысходности и начать крушить стены. И уже неважно чем – руками или головой; главное – выплеснуть накопившиеся эмоции.

– Да все, что угодно, только умоляю: не надо посыпать себе голову пеплом и разрывать собственные одежды!

– Я похож на психа? – буркнул я. – И где вы видите пепел? У меня что, ночью во дворе пожар случился?

Недоверчиво покосившись на Кауфманов, я высунулся из окна и осмотрелся. Как и ожидалось, следы возгорания отсутствовали. Да и откуда им было взяться там, где гореть попросту нечему?

– Папа, сколько раз тебе твердила – подбирай выражения. – Кэрри тяжко вздохнула и картинно закатила глаза к небу. – Ты постоянно забываешь, что капитан Гроулер склонен воспринимать все буквально.

Все ясно: про одежду и пепел – это очередная кауфмановская шутка для интеллектуалов, изначально не рассчитанная на троглодитов.

– А капитан Гроулер держится молодцом, – заметил дочери Наум Исаакович. – Впрочем, я и не сомневался, что он выдержит. Спускайтесь вниз, молодой человек, нам сегодня предстоит совершить немало подвигов. Слышите, нас уже зовут… Мы с Кэрри могли бы не тревожить вас и заняться этим сами, но вам такое щепетильное дело куда сподручнее.

– А вы уверены, что нам следует освобождать этих ненормальных? – спросил я, невольно представляя, как улицы наполняются толпами вызволенных из плена паникеров с выпученными глазами и нервозным поведением. – Пошумят-пошумят да угомонятся, а там, глядишь, и кризис минует.

– А если таки не минует?

– Ну что ж… тогда давайте попробуем. Вы ведь меня затем и позвали, чтобы какая-нибудь Гертруда Линдстром у вас топор не отобрала.

И я с ворчанием принялся спускаться из окна. Ладно, поможем, все равно делать больше нечего, кроме как ожидать Конца Света.

– Осторожнее! Держитесь за выступ! Обопритесь получше! Так, не торопитесь! Очень хорошо, теперь спускайте другую ногу!.. – заботливо руководил моим нисхождением со второго этажа дядя Наум, ставший невольным свидетелем моего вчерашнего трюкачества. Сегодня его советы были излишни: урок по теме «Деструктивное влияние гравитации на человеческий организм» капитан Гроулер усвоил твердо.

Каролина с показной неохотой вручила мне свою любимую игрушку, и мы втроем направились к ближайшему дому, откуда раздавались призывы о помощи.

День выдался на редкость запоминающимся. Мне довелось познакомиться почти со всеми соседями, что проживали в радиусе полукилометра от наших с Кауфманами особняков. Замечательные, дружелюбные и гостеприимные люди… хотелось бы сказать о них, но не получалось. Не исключено, что позавчера я не испытывал бы в этом никаких сомнений, и любая из освобожденных нами семей радушно пригласила бы нас на чашку чая или бокальчик вина. Но сегодня всех нас окружал уже иной мир, в котором просто не оставалось места для открытых дверей и задушевных бесед. Мир истерик, криков, отчаяния и паники; мир, где на невозмутимых людей, как я и Кауфманы, смотрели словно на сумасшедших.

А может, и впрямь безумцами были мы, а не они? В конце концов, разве мое спокойное поведение нельзя было при желании трактовать как тихое помешательство? Да еще при наличии в руках топора, который я был готов обрушить на голову любому, кто покусится на

здоровье моих новых друзей, не столь воинственных, чтобы отпугивать недоброжелателей одним своим видом.

Понять беснующихся внутри собственных домов сограждан было легко. Подавляющее большинство из них когда-то служили контролерами или являлись таковыми сегодня. Все они были наслышаны, что означает знамение в виде Синего Экрана Смерти.

Практически у всех, до чьего спасения у нас дошли в этот день руки, окна в особняках так и оставались затонированными с ночи кризиса. Попытаться разбить крепкий венерианский кварц, как поступил вчера я, догадались единицы, однако ничего хорошего из их попыток не вышло – не хватило сил или терпения. Поэтому все, что могли наблюдать затворники помимо стен своих домов, представляло собой однотонные синие пикры ключей, неожиданно заработавших после суток молчания. Любой землянин окончательно и бесповоротно рехнулся бы от такой картины… К счастью, вызволенные нами из-под домашнего ареста соседи не казались мне окончательными безумцами, но среди них попадались и впрямь безнадежные.

Нас постоянно принимали за контролеров. Поначалу мы пробовали доказывать обратное, но нам не верили и считали наши оправдания попытками уйти от ответственности за опоздание. Поэтому проще оказалось изобрести универсальную отговорку, чем рассказывать правду. В конце концов Наум Исаакович придумал дежурную легенду, согласно которой мы действительно были спасательной группой контролеров, высланной перед основной ремонтной бригадой.

На вопросы, когда же прибудут главные силы, Кауфман отвечал уклончиво: «Скоро. Сидите наготове и ждите. Хозяева, отсутствующие дома в момент появления ремонтной команды, будут обслуживаться в последнюю очередь». Благодаря этому предупреждению мы были избавлены от толпы нежелательных сопровождающих. Лишь несколько человек неотступно ходили за нами, игнорируя любые предупреждения. Разговора с ними не получалось. Шокированные люди были пока не в том состоянии, чтобы адекватно выражать собственные мысли, просто плелись следом и наблюдали за нашей работой. Наум Исаакович тут же метко окрестил сопровождающих «апостолами».

Все наши спасательные акции проходили по шаблонному сценарию, стихийно выработанному в ходе первого освобождения. Периодически менялась лишь вступительная часть, за которую отвечали либо Каролина, либо ее отец. Если из-за заклинившей двери раздавались истерические женские крики, на переговоры выдвигался дядя Наум. Его вкрадчивый дружелюбный тон быстро успокаивал паникующих затворниц. Когда же хозяином освобождаемого нами дома являлся мужчина, в дело вступала Кэрри. Даже находясь в сильном нервном возбуждении, граждане мужского пола внимали приятному бархатистому голоску девушки.

И кто категорически не допускался к переговорам, так это я. Кауфманы запрещали мне приближаться к домам жертв катаклизма до тех пор, пока контакт с хозяевами не будет установлен. Наум Исаакович высказал резонное предположение, что ожидающие Конца Света паникеры примут мой раскатистый бас не за Глас Спасителя, а скорее за нечто противоположное – рык злобного демона или еще кого-нибудь из сатанинской свиты. Я не возражал и, держа топор на плече, следил за ходом переговоров издали.

Когда наступала очередь моего вмешательства, дядя Наум подзывал меня и молча указывал на требующую взлома дверь, после чего я получал еще одну возможность попрактиковаться во владении архаичным оружием. После первого же практикума пришлось забинтовать ладони обрывками тряпки – Кэрри, имевшая опыт работы топором, забыла предупредить меня о таком побочном эффекте, как мозоли. Ухмыляясь, она пожертвовала мне на бинты кусок чистой ветоши, прихваченной ею из дома. Пожертвовала во имя нашей благородной миссии, в которой трудяге Гроулеру была отведена немаловажная роль.

После уничтожения входной двери начиналась самая непредсказуемая часть мероприятия – очное знакомство со спасенными жертвами. Здесь от нас прежде всего требовалась тактичность и жесткость. Желательно было, конечно, вести себя в рамках приличий, но обычно получалось иначе. Из трех десятков выпущенных нами на свободу затворников только несколько вели себя пристойно – то есть не стали выскакивать навстречу с безумными глазами, хватать нас за одежду и умолять немедленно объяснить происходящее. Однако эти тихони вели себя так потому, что все они пребывали в глубоком шоке, который лишь усиливался после того, как они видели, во что превратились их раскуроченные двери.

День закрытых дверей и захлопнувшихся «Серебряных Врат»…

Тяжелее всего было общаться с теми, кто в перевозбуждении уже не отдавал отчета в своих действиях. За прошедшие сутки в этих людях накопилось столько негативной энергии, что они были готовы выплеснуть ее на первого подвернувшегося под руку человека, требуя у него ответа за все постигшие мир беды. Вот тут-то и проявлялось благоразумие Наума Исааковича, пригласившего меня поучаствовать в акции. Без моей поддержки Кауфманам пришлось бы туго. Причем наш топор ничуть не смущал выскакивающих навстречу психов, какие еще недавно являли собой вполне добропорядочных граждан. Приходилось применять рукоприкладство, поскольку на словесные увещевания психи не реагировали.

– Полегче, молодой человек, – предупреждал дядя Наум, когда я сбивал с ног очередного безумца и удерживал его до тех пор, пока тот не прекращал вопить и вырываться. – Уверяю вас: эти любезные люди нам не враги – они лишь очень сильно расстроены. Дайте им время прийти в себя, и они образумятся.

– Образумятся? – недоумевал я, придавливая коленом к земле брыкающегося и брызжущего слюной человека. – Почему вы в этом так уверены?

– Ну, не во всех, конечно, уверен, но в большинстве – да, – терпеливо пояснял Кауфман. – Сегодня вы имеете возможность наблюдать редчайшее явление: массовую истерию. Человечество помнит множество примеров, когда массовая истерия меняла ход истории и, к сожалению, редко когда в лучшую сторону. А чтобы сойти с ума, много не надо. Пример – перед вами. Люди заперты в собственных домах, отрезаны от мира и информации. У кого-то сдают нервы, и он поднимает панику. Его непременно услыхали, и вот уже паникеров становится в десять раз больше. Паника, замечу вам, весьма заразна. Древняя болезнь, к которой мы давно утратили иммунитет, ибо забыли, что такое – паниковать. Единичный случай паники, и вокруг уже воцарилась настоящая эпидемия. Но кто-то подвержен неизвестной болезни в большей степени, кто-то – в меньшей, а кто-то и вовсе нет…

– Значит, вы причисляете нас с вами к категории здоровых? – спросил я.

– Ну, я бы не посмел делать столь радикальные выводы, – возразил дядя Наум. – Легкое недомогание – вот наш диагноз. Разве я не боюсь всего происходящего? Разве вы не боитесь?

– Боюсь.

– Вот видите… Любезный, вам полегчало? – участливо поинтересовался Кауфман у моего подопечного, который прекратил брыкаться и наконец-то угомонился. Тот пробормотал нечто маловразумительное, но, судя по всему, дал утвердительный ответ. – Замечательно. Вы наверняка голодны, поэтому идите поешьте и приведите нервы в порядок. Капитан, вскройте ему кухонный комбайн, только не повредите крышку. В ней при необходимости можно носить воду из реки…

Кауфман давал подробные инструкции на будущее каждому освобожденному нами человеку. И пусть большинство из освобожденных, пребывая в крайнем волнении, пропускали эти советы мимо ушей, Наум Исаакович все равно из раза в раз терпеливо объяснял, где можно разжиться водой и из чего смастерить примитивные орудия труда наподобие нашего топора. А также чего следует избегать, дабы не угодить в неприятности, не получить травму

и продержаться неделю-другую на полном самообеспечении. «Не думайте о плохом, – настоятельно рекомендовал всем дядя Наум, – думайте о ваших семьях. Все образуется».

Мыслил Кауфман столь неординарно, что был способен извлечь выгоду даже из совершенно непригодных вещей. Самое любопытное, что, общаясь с ним, я ощущал, как постепенно приобретаю аналогичный взгляд на мир, заражаюсь этим странным мировоззрением, при котором невольно начинаешь задумываться над вопросами, раньше в голову не приходившими. Варварский практицизм – так охарактеризовал я учение, ненавязчиво преподаваемое мне дядей Наумом. Варварски разломать сложный, а ныне бесполезный агрегат, чтобы извлечь из него одну-две простые и практичные детали. Или наоборот – отбросить все детали, а лишенный начинки агрегат приспособить для каких-нибудь нужд: сбора воды, разведения огня, хранения припасов… Но обо всем этом я узнал позже. В первый же день постижения мной науки варварского практицизма я выдвинул лишь робкое предложение удлинить ручку топора – и удар, дескать, станет сильнее, и вид оружие обретет внушительнее.

Наум Исаакович мое рационализаторство охотно поддержал.

– Отличная идея, молодой человек! – одобрительно закивал он. – Ваше мышление адаптировалось к новым реалиям, и это не может не радовать. Я в вас определенно не ошибся. Мы с вами составляем прекрасную команду для выживания в это смутное время. Нам таки непременно надо держаться вместе. Как считаете?

Я согласился. Уж в чем в чем, но в командной игре капитан Гроулер знал толк. И пусть в этом экстравагантном коллективе верховодил не он, состав игроков ему определенно нравился. Если бы еще не колючий взгляд и вечные колкости Каролины, наша команда и вовсе сошла бы за идеальную.

Наскоро пообедав и кое-как разогнав по домам любопытных «апостолов», мы решили продолжить совместный рейд, отправившись по улице в противоположном направлении. До самой ночи раздавался над поселком треск раздираемого топором полимера, но вместе с этим слышался и другой, более жизнерадостный звук – атмосфера вокруг постепенно наполнялась человеческими голосами. И пусть это были в основном лишь испуганные возгласы, меня они радовали куда сильнее, чем гнетущая тишина, что царила здесь вчера.

Ближе к вечеру наша команда столкнулась с уже знакомыми всем нам личностями.

Можно было не отвлекаться и пройти мимо этого дома – ни криков, ни грохота оттуда не раздавалось. Однако дядя Наум предпочел потратить несколько минут и проверить, все ли обитатели подозрительно тихого жилища живы-здоровы. После настойчивых стуков в дверь никто не отозвался, и пока Кауфман продолжал безуспешные попытки переговорить с хозяевами, его дочь заглянула за угол, после чего позвала нас.

– Так вот где живет наша подруга Гертруда Линдстром, – заметила Каролина, указывая на оранжерею, примыкающую к тыловой части дома. За прозрачными панелями из меркурианского кварца красовались сотни распустившихся цветочных бутонов всевозможных размеров и оттенков. – Давно хотела взглянуть на ее розы, о которых она всегда рассказывала возле стоянки инскона. Куда же хозяйка подевалась? Вчера была практически единственной, кто на свободе бегал, а сегодня пропала.

– Теперь догадываюсь, где она вышла на свободу. – Я подошел к вентиляционному люку в боковой стене оранжереи, приподнятому для притока свежего воздуха. В подтверждение моей догадки под люком был приставлен стульчик, на который вскарабкивалась низкорослая Гертруда, прежде чем протиснуться в лазейку. Еще одна тайна раскрыта.

– Зайдем, папа? – осведомилась Кэрри у озадаченно почесывавшего затылок отца.

– Будет-таки неприлично без приглашения… но зайдем, – подумав, согласился тот. – Надо убедиться, что с любезной госпожой Линдстром все в порядке.

– Я – первый! – не терпящим возражения тоном сказал я. Кто знает, что случилось со взбалмошной Гертрудой за истекшие сутки, и не притаилась ли она под сенью розовых кустов, обезумевшая и готовая расправиться с любым, кто посягнет на ее владения.

– Как пожелаете! – скривила губки Кэрри. – Только дайте сюда топор – с ним Гертруда вас на чай точно не позовет. Это ведь она вчера кричала на всю округу, что вы – жестокий убийца, разгуливающий на свободе?

– Так и есть, – подтвердил я, мысленно проклиная крикливую госпожу Линдстром и ее отнюдь не голословные обвинения в мой адрес. – Но обычно я обхожусь без топора, поэтому…

– Достаточно, молодые люди! – с немым укором посмотрел на меня Кауфман, а дочери он погрозил пальцем, словно невоспитанному ребенку. – Ведите себя пристойно! Сколько можно создавать конфронтации из-за пустяков?

– Ничего себе пустяки! – пробубнила Каролина. – Он убил человека голыми руками, и ему все сошло, как с гуся вода. А ты только свою колесницу из гаража выгнал, так сразу в Желтый Список!

– Давай не будем сейчас об этом, хорошо? – нарочито мягко попросил ее отец. Похоже, он вообще не умел повышать голос. Однако скрывать чувства – тоже. Я услыхал про Желтый Список, когда уже протискивался в оранжерейный люк, но не выдержал и удивленно обернулся. Взгляд Наума Исааковича смущенно блуждал, а на лице опять играли, сменяя друг друга, разнообразные чувства. И опять среди них отсутствовала радость. Да, весьма и весьма любопытные вещи сообщила Кэрри. Тихий и добродушный человек – такое впечатление сложилось у меня о соседе за эти два дня – умудрился-таки когда-то совершить правонарушение и угодить в Желтый Список хранителей закона – маршалов. Я, правда, толком не расслышал, по какой причине, но уточнять момент был неподходящий – мы вероломно проникали в чужие частные владения.

В маленькой, утопающей в цветах оранжерее Гертруды Линдстром благоухали розы, отчего голова моя слегка закружилась. Тропинки промеж насаждений были предельно узкими, и я, из опасения сломать по неуклюжести какой-нибудь бесценный куст, шагал осторожно, стараясь не задевать хрупкие стебли и нежные бутоны. Крупногабаритный троглодит Гроулер смотрелся в цветочной оранжерее еще нелепее, чем пресловутый слон в посудной лавке.

Оглядевшись, я удостоверился, что Гертруда не притаилась в засаде с целью размозжить мне голову цветочным горшком, после чего махнул рукой Кауфманам, и они, помогая друг другу, забрались в оранжерею следом за мной. Топор предусмотрительная Каролина оставила во дворе.

– Какое дивное местечко, право слово, – комично поводив носом по воздуху, заметил Наум Исаакович. – Цветочки – это так славно. Однако с практической точки зрения они совершенно бесполезны. Кушать их я бы вам не рекомендовал даже в самый жуткий голод. У нас в курятнике ароматы, конечно, не столь изысканны, но сегодня они вселяют в меня гораздо больше оптимизма, чем эта божественная, но, к сожалению, умирающая атмосфера. Если бы дядя Наум и взялся выращивать что-либо у себя на заднем дворе, так только капусту или картошку. Те хоть и отвратительно цветут, зато гарнир из них к курятине отменный. Эх, поздновато вспомнил об этом!

– Ты не романтик, папа, – с укоризной произнесла Каролина, нюхая розовый бутон и прикрыв глаза от наслаждения. – Ты ценишь материальное, но часто пренебрегаешь духовным. Так неправильно – я сто раз тебе об этом говорила.

– Что поделать, если я родился законченным прагматиком, – печально вздохнул Наум Исаакович. – Твоя мама Стефания Леонидовна, покойся она с миром, меня всю жизнь в этом

упрекала, а что толку?.. Но признаю: розочки любезной госпожи Линдстром все же хороши. Таки жаль, что природа не додумалась превращать их в хрустящие сочные кочаны.

Раздавшийся откуда-то из дома заливистый смех Гертруды пресек начатую было дискуссию о материальном и духовном.

– Весьма странно, – удивленно вскинул брови дядя Наум. – Ей смешно! – Смех Гертруды повторился, на сей раз громче и продолжительнее. – Действительно, смешно! Идемтека, молодые люди, проверим, все ли там в порядке.

С Гертрудой все было в полном порядке, и она действительно чувствовала себя счастливой. Согласно древнему выражению, единицей измерения человеческого счастья принято считать небесные уровни, коих якобы всего семь. Неизвестно, на каком небе пребывала в данный момент Гертруда, но наверняка не ниже шестого. Ее смех был столь беззаботен и легок, что просто выпадал из общего фона паники и страха, царивших снаружи. «Умом тронулась», – уверенно решил я еще до того, как увидел хозяйку дома, и ошибся. Действительность оказалась куда интереснее.

Госпожа Линдстром сидела в гостиной, откинувшись в кресле и покатываясь от неудержимого смеха. В доме она находилась не одна. Напротив нее, в другом кресле, развалился тот самый фиаскер, что отирался вчера возле стоянки ботов и шарахался от всех, кто пытался с ним заговорить. Инскон-кочевник пялился на хохотушку Гертруду мутными влажными глазами и вторил ей нервным хихиканьем. Появившихся на пороге гостиной троих посторонних парочка даже не заметила.

Я сразу вычислил причину их неуемного веселья. Причина лежала тут же, на столике, рядом с инфоресиверами, и представляла собой маленький тюбик наподобие тех, в каких хранили пищевые концентраты межпланетные первопроходцы. Содержимое этого тюбика использовалось по иному назначению. И хоть к Космосу оно не имело абсолютно никакого отношения, фиаскеры были с таким утверждением не согласны. По их словам, хорошая доза глюкомази могла доставить ваше сознание в такие уголки Вселенной, до которых человечество не дотянется и через тысячелетия. При этом ваше тело остается здесь, на родной планете, – ну разве не потрясающе? Подтвердить или опровергнуть подобное заявление я был не в состоянии, поскольку глюкомазью не пользовался. В моей жизни и без того хватало наслаждений – как для духа, так и для тела, – чтобы помимо них предаваться еще и сомнительному удовольствию для безмозглых идиотов.

К сожалению, нами был пропущен исторический момент, когда сия эклектичная парочка сумела найти общий язык. И вот теперь мы наблюдали уникальное явление – радостные обыватели, упоенные счастьем в мире, над которым маячил синий призрак смерти. Заблудившийся фиаскер больше не рвался на родину, а Гертруда Линдстром позабыла о контролере, о своих увядающих розах и о мертвом «паучке». Да и незачем им было волноваться по пустякам, когда маленький тюбик со счастьем лежал от них на расстоянии вытянутой руки. Бери, пользуйся и ни о чем не переживай – тоже, между прочим, выход из трудного положения. Пусть иллюзорный, но зато самый простой.

Наум Исаакович придержал меня за руку, нахмурился и помотал головой, чтобы я оставался на месте, после чего вошел в гостиную. Следом за ним прошмыгнула Кэрри, а я так и остался торчать в дверях, будто выполнивший задачу слуга-провожатый. Завидев Кауфманов, Гертруда и ее новый друг в изумлении выпучили глаза, но уже через секунду взорвались таким хохотом, что в оранжерее за моей спиной задребезжали кварцевые панели. Это было уже не веселье, а натуральный истерический припадок. Госпожа Линдстром показывала на дядю Наума пальцем и все порывалась что-то сказать, но захлебывалась смехом, представлявшим собой даже не смех, а визгливые всхлипывания. Дебил-фиаскер гоготал, брызжа слюной, раскачивался в кресле и тряс головой, норовя расколоть лбом столик перед собой.

Я и Каролина уже вникли в ситуацию, но Кауфман продолжал хлопать глазами, удивляясь поведению хозяйки и пытаясь вставить хотя бы слово. Наверное, в годы молодости дяди Наума были популярны иные средства самоуспокоения, поэтому проявление побочных эффектов от употребления глюкомази ему наблюдать еще не доводилось.

Наконец парочка вроде бы немного угомонилась. Фиаскера трясло, будто на морозе, а Гертруда размазывала по щекам обильные слезы. Наум Исаакович понадеялся, что теперь-то его наверняка выслушают, но надежды его оказались тщетными.

– Прошу-таки извинить нас за беспардонность… – начал было он, однако стоило ему лишь раскрыть рот, как хозяйка с приятелем снова покатились со смеху. Кауфман невольно покосился на собственную ширинку, наивно полагая, что все дело в ней, не застегнутой по рассеянности. Обнаружив, что с ширинкой все в порядке, он опешил еще больше и оскорбленно насупился.

– Пойдем отсюда, папа, – позвала его Кэрри. – Здесь нам точно делать нечего. Ручаюсь, эти двое выживут и без твоих советов.

Дядя Наум беспомощно развел руками и молча указал нам на выход. Фиаскер и Гертруда проводили нашу компанию дружным хохотом, словно прогоняли с арены проигравшую и опозоренную команду реал-технофайтеров.

– И все равно, я беспокоюсь за этих молодых людей, – сказал Кауфман, когда дочь наконец объяснила ему, по какой причине он был столь жестоко осмеян. – Любезная госпожа Линдстром казалась мне разумным человеком. Как, однако, легко ошибиться даже в знакомых людях. Взрослая женщина, а ведет себя хуже ребенка. Надо по мере сил таки приглядывать за ними, а то, не дай бог, натворят глупостей…

Ужинал я в тот вечер, разумеется, у Кауфманов. Уставшая за день Кэрри не захотела утруждать себя обезглавливанием и ощипыванием курицы, а пошла по более легкому пути: открыла герметичный люк в полу и извлекла на свет замороженные продукты, из которых и взялась готовить ужин. Выяснилось, что пространство под домом Наум Исаакович также использовал рационально – там скрывался гигантский фростер, функционирующий в автономном режиме, подобно остальным изобретениям дяди Наума. Еще вчера я поклялся себе, что больше не буду удивляться сюрпризам, которые продолжал преподносить мне сосед, но соблюдать эту клятву было не так-то просто.

– Сегодня мы показали людям наглядный пример того, что такое взаимопомощь, – ответил Наум Исаакович на мой вопрос, отправимся ли мы с утра пораньше продолжать творить благие дела или на этом наша миссия исчерпана. – Кто-то усвоил наш урок, кто-то не усвоил, но я считаю, что хватит уже ломать чужие двери. Пусть теперь ближний помогает ближнему и передает опыт дальше. И если сегодня к нам прислушалось хотя бы полдесятка соседей, значит, день мы прожили не зря… Что интересного у «Серебряных Врат»?

– Ничего, – грустно произнес я, пряча в карман инфоресивер, который до этого проверял. – Сплошная синева.

– Прискорбно… Наверное, придется мне завтра стать новым Прометеем и подарить людям огонь. В округе немало детей, а им необходимо кушать горячее. Вы умеете добывать огонь, молодой человек?

– Проще простого. Я возьму файермэйкер и выстрелю зажигательным зарядом во что-нибудь деревянное. Ваша дверь, к примеру, подошла бы.

– Оставьте в покое мою дверь! – возмутился дядя Наум. – Возле реки есть чудная рощица, за которой присматривает муниципальный модуль-клинер. Однажды я проследил, куда он стаскивает спиленные сухие ветки. Завтра проверим это местечко, и если обнаружим, что там полно древесины, покажем его людям… Я вас правильно понял: у вас дома имеется пушка с зажигательными зарядами? Что же вы раньше молчали? Конечно, с ней Прометею будет куда легче творить добро.

– Нет, ни файермэйкера, ни «громовержца» у меня под кроватью не припрятано, – огорчил я обрадовавшегося было соседа. – Так что поджигать древесину будет нечем.

– Ну прямо-таки и нечем! – снисходительно рассмеялся Кауфман. – Было бы что поджигать, а уж чем поджечь, найти нетрудно. Парадоксальный факт, согласитесь, – в нашу высокотехнологичную эпоху вдруг приходится возвращаться к древнейшим методам добычи огня! Можно сказать, заново учиться вещам, которые человечество уже изучало сотни тысяч лет назад, но основательно подзабыло.

– Изучало в дикую эпоху палеолита?

– Совершенно верно. Троглодиты, к вашему сведению, добывали огонь трением или ждали милости от природы – угодившую в дерево молнию. Первый способ для нас слишком трудоемок, второй – слишком маловероятен. Но сейчас не палеолит, и нам с вами есть из чего выбирать. Я не говорю про фокусирование солнечных лучей линзами, химические экзотермические реакции и им подобные процессы – все это тоже достаточно хлопотно. Используем то, что уже есть под рукой. Самое элементарное: соорудить из генератора конденс-поля простейшую зажигалку. Либериал нагревается внутри корпуса до температуры около трехсот градусов по Цельсию. Все, что нам требуется, так это разломать корпус и убрать термозащитную оболочку, после чего в нашем распоряжении окажется практически вечная зажигалка.

– Значит, опять будем ломать, – понимающе кивнул я. – Что ж, похоже, я начинаю к этому привыкать.

За окном раздался шум, и перед нашим взором предстала немногочисленная процессия, состоявшая из вызволенных нами соседей. Процессия двигалась по улице и, судя по тому, что большинство из ее участников тащили с собой снятые крышки от кухонных комбайнов, направлялась к реке. Люди выглядели подавленными, разговаривали раздраженно, однако не паниковали и вообще вели себя пристойно. Я заметил среди них даже тех, кого сегодня пришлось усмирять насильственными методами.

При виде угрюмо бредущей мимо окон процессии на лице Наума Исааковича появилось выражение, какое бывает у заботливых отцов, чьи дети полностью оправдали возложенные на них надежды. Переполнявшее Кауфмана удовлетворение передалось и мне. Я тоже ощутил гордость от того, что вся нервотрепка минувшего дня оказалась не напрасной.

– Вот и замечательно, – проговорил дядя Наум, провожая взглядом ведомых общей целью людей. – Главное – подтолкнуть их в нужном направлении. Дальше пойдут сами. У них есть вода и пища, а завтра будет огонь. Немного, конечно, но когда-то человеку этого было вполне достаточно для жизни.

Я собирался задать Науму Исааковичу еще три вопроса, но предпочел промолчать. Просто не хотелось омрачать ему настроение – дядя Наум, бесспорно, заслужил эти минуты счастья. А вопросы мои затрагивали лишь неприятные темы.

Первый вопрос был по существу: с водой и огнем все ясно – река и генераторы конденс-поля не дадут нам умереть от жажды и холода, однако запасы пищи в конце концов иссякнут даже в бездонном хранилище Кауфманов. Что потом? Где искать пищу, если раньше к нам в мегарайон ее доставляли по инстант-коннектору со всех концов Земли? Охота? Рыбалка? Подножный корм? Или массовый исход в более благодатные земли? Последний вариант казался мне самым логичным, ибо за годы проживания в нашем мегарайоне я ни разу не встречал здесь потенциальных объектов для охоты: ни на земле, ни в воде, ни в воздухе. Я надеялся, что дядя Наум уже рассматривал такую ситуацию и выработал на этот счет какую-нибудь стратегию. А то и не одну.

Второй вопрос касался нашей изоляции от окружающего мира. Мы жили посреди огромного материка, но, лишенные средств информации и передвижения, по существу, очутились на острове, отделенном от «большой Земли» – центральных районов гигаполиса

– расстоянием в три сотни километров. Преодолеть их можно было только пешком. Нет, вполне вероятно, что для людей палеолита легкая трехсоткилометровая прогулка была лишь средством для стимулирования аппетита, но даже такой современный троглодит, как я, приходил в ужас от мысли о подобном пешем вояже. Я – современный человек и привык к тому, что за четыре часа могу легко обогнуть планету по экватору. Поэтому мысль о том, что сегодня за час я в силах удалиться от дома лишь на пять-шесть километров, заставляла чувствовать себя не хозяином планеты, а полным ничтожеством. Трудно будет отыскать добровольцев идти пешком в центральный мегарайон за новостями.

И все же хотя бы минимум информации о положении в мире нам требовался. Приходилось уповать на слухи, за объективность которых лично я не заплатил бы и тысячной доли своего турнирного гонорара. Однако вся прелесть слухов как раз и заключалась в том, что платы за них никто сроду не взимал. Что думал по поводу такого спорного источника информации Наум Исаакович, мне было весьма любопытно.

И, наконец, третий не заданный мной в тот вечер вопрос. Его можно было вообще не задавать – к насущным проблемам он отношения не имел. И все-таки я чувствовал, что рано или поздно потребую на него ответа. А кто бы удержался от расспросов, если бы, к примеру, вдруг встретил человека с крыльями? Бескрылый дядя Наум представлял для меня не меньшее чудо. Несмотря на свою бесспорную порядочность, он умудрился-таки где-то преступить закон и угодить в Желтый Список злостных правонарушителей.

Возникал вполне естественный вопрос: за что? Если кто в Великом Альянсе и попадал в Желтый Список, так это окончательно выжившие из ума фиаскеры, чье поведение становилось социально опасным. Дальновидный Кауфман смотрелся среди недалеких фиаскеров как изысканное ресторанное блюдо в окружении дешевых бутербродов из уличного автосэйлера. Наблюдать их на одном столе было непривычно и дико.

Я дал себе слово, что в ближайшее время непременно выясню причину, по которой добряк Наум Исаакович очутился в столь непривлекательной компании.

Часть II
КАПИТАН, СПАСИТЕЛЬ И ЕГО ДОЧЬ

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.
Восточная мудрость

Первый месяц нашей жизни в Жестоком Новом Мире выдался на редкость мирным и безмятежным. Я осознал это в полной мере гораздо позже, когда такие слова, как «мир» и «безмятежность», уже нельзя было употреблять без горького чувства ностальгии. Такая уж нам, жителям окраин, была уготована судьба: пока где-то за горизонтом вовсю бушевало безумие – вспыхивали пожары, одна за другой происходили катастрофы, гибли люди и формировались новые порядки, – мы бесцельно слонялись по округе, жгли костры и готовили пищу. Что любопытно: в нашем отрезанном от цивилизации мирке все было устроено по справедливости. Мы не отнимали друг у друга продукты, не сбивались в стаи и не боролись за территории, что непременно должно было случиться с нами в эпоху палеолита. (Наум Исаакович продолжал закрашивать пробелы в моих знаниях, видимо, всерьез решив воспитать из троглодита полноценного «хомо сапиенс»; мысль о том, что у природы на это ушло не одно тысячелетие, Кауфмана не отпугивала.) Мы просто существовали, питаясь консервированной пищей и надеждами. Причем последние играли в нашем рационе куда более важную роль. Лишь благодаря надеждам наше сообщество продолжало исповедовать привычные цивилизованные законы. Меня, Кауфманов и прочих проживающих по соседству граждан объединяла общая цель: все мы терпеливо ждали, пока разрешится кризис и восстановится прежний порядок вещей.

По мнению некоторых оптимистов-соседей, возвращение Привычного Старого Мира должно было произойти со дня на день. Главным аргументом для них служила заставка «Серебряных Врат», которую непрерывно демонстрировали пикры наших инфоресиверов. Заставка якобы постепенно меняла цвет с пронзительно-синего на более привлекательный – голубой, который уже не ассоциировался с траурным.

Не знаю, откуда в этих людях присутствовала такая уверенность. Лично я, периодически прикладывая к виску ключ, ничего подобного не замечал. Гроулер, конечно, не специалист в определении тонких цветовых оттенков, но голубой от синего безусловно отличит. Говорят, у страха глаза велики. А вот у надежды, похоже, глаз нет вовсе; их отсутствие компенсировано чрезмерно богатым воображением.

Самой безмятежной, на мой взгляд, выдалась вторая неделя «ожидания чуда»: люди немного успокоились и свыклись со своим положением, продуктов пока у всех было навалом, а зловещие и зачастую противоречивые слухи из центрального мегарайона до нас еще не добрались.

Не жизнь, а сущая благодать! Я часами сидел возле дома на травке, грелся на солнышке, пялился вдаль и наслаждался пением птиц – настоящих, а не тех, чьи голоса были записаны в ландшафт-проекторе. Дым, что постоянно окутывал горизонт, меня уже не смущал. Когда мне надоедали разогретые на костре полуфабрикаты, я под каким-либо предлогом напрашивался в гости к Кауфманам. Но обычно предлог выдумывать не приходилось – Наум Исаакович сам приглашал меня время от времени. Его приглашения следовало воспринимать как знак уважения, потому что, кроме меня, больше никто из соседей такой чести не удостаивался. Даже неприветливая Каролина стала понемногу оттаивать и уже не смотрела на меня с презрением, словно на пережиток каменного века. Она относилась ко мне как к забавному, но сообразительному псу, которого надо непременно подкармливать, дабы он не озверел от

голода. Я заметил, что дядя Наум стал частенько оставлять нас с дочерью наедине, ссылаясь на какую-нибудь незаконченную работу и убегая из дома. Делал он это определенно с умыслом: видимо, старался, чтобы мы познакомились получше.

Непонятно, насколько далеко заходили благие намерения Наума Исааковича, однако заметных результатов от его инициативы не наблюдалось. Едва мы с Каролиной оказывались тет-а-тет, как любая из начатых в присутствии дяди Наума бесед быстро сходила на нет и между нами возникало неловкое молчание. Я понятия не имел, каким образом поддерживать разговор с человеком, который его поддерживать не стремился. Так что как только наша и без того вялая беседа переходила в гнетущую тишину, я подобно дяде Науму тут же выдумывал для себя неотложное дело и откланивался. Каролина понимающе кивала и не возражала. И так от раза к разу.

Дымили костры, наполняя атмосферу щекочущим ноздри, доселе неведомым мне запахом горелого дерева. Люди ходили за водой к реке, по дрова в рощицу и в гости к соседям. Последнее занятие служило самым эффективным рецептом борьбы со скукой и мрачными мыслями. Отсутствие средств для виртуального общения невольно стимулировало обывателей к общению реальному. Глядя на это повсеместное явление, я опять утвердился в мысли, что меня и Кауфманов все-таки следует считать не вполне нормальными людьми. В отличие от остальных граждан, мы были способны без проблем переносить собственное уединение.

Однако и здесь имелся любопытный нюанс, благодаря которому нас нельзя было воспринимать как исключение из правил. Мы игнорировали компании соседей, но общество друг друга переносили нормально. Напрашивался вывод, что даже отъявленные мизантропы (таким самокритичным определением охарактеризовал нас дядя Наум; звучало едва ли привлекательнее, чем троглодиты) нуждаются в обыкновенных межчеловеческих отношениях. Пусть с себе подобными, но все-таки нуждаются.

Мы прожили этот месяц будто обитатели райской долины, рядом с которой пробудился вулкан. Мы с тревогой наблюдали за ним, надеясь, что извержение вскоре прекратится или по крайней мере его последствия минуют нас стороной. Кое-как примирившись с трудностями, мы готовы были потерпеть еще какой-то срок, только бы этими, в целом безобидными, неприятностями дело и ограничилось. Но когда до нас стали долетать брызги вулканической лавы под видом ужасных слухов – и чем дальше, тем все чаще и чаще, – надежды на скорейшее разрешение проблем стали таять на глазах. Вулкан и не думал успокаиваться. Наоборот, кипящий лавовый поток подступал к границам нашего маленького дружелюбного мирка – идиллии на фоне уже вовсю пылающих окрестностей.

Слухи начали гулять по округе ближе к концу первого месяца кризиса. Их несли прибывающие из центрального мегарайона беженцы, после чего новости принимались кочевать из дома в дом, обрастая массой невероятных подробностей. Любопытство пересилило мизантропию Кауфмана, поэтому он взял за правило регулярно прогуливаться по округе и внимательно слушать, о чем говорят соседи. Я же нарочно отказывался от подобных разведывательных вылазок. Просто рассудил, что новости в изложении Наума Исааковича будут содержать гораздо больше истины, нежели когда я самостоятельно начну извлекать ее из гущи кривотолков.

И все равно, несмотря на непревзойденное умение Кауфмана отделять зерна от плевел, поначалу я не поверил тому, о чем он сообщил нам с Кэрри после сбора информации.

– То есть как это: «полное беззаконие»? – недоуменно переспросил я дядю Наума по окончании его краткого, но шокирующего отчета о прогулке. – Куда же смотрят маршалы?

– Маршалы могут смотреть сегодня куда угодно, молодой человек, – мрачно ответил он. – В данный момент они как толпа слепцов: вроде бы на вид и грозная сила, однако

проку от нее совершенно никакого. Признаться, я неприятно удивлен, насколько деградировал институт маршалов.

– О чем вы говорите? – насторожился я. – Что за деградация? Маршалы – основа основ мирового правопорядка!

– Еще две недели назад я бы с вами безоговорочно согласился. Но, как ни прискорбно, даже такой отлаженный механизм, каким мы знали институт маршалов, имел уязвимые места. И назывались они персон-маркерами. Да-да, наши с вами персон-маркеры: такой же неотъемлемый атрибут современного человека, как волосы или ногти. Что вы знаете о персон-маркерах, капитан Гроулер?

– Не более того, что нам давали в интернате по курсу анатомии.

– Ну в принципе это тоже немало. Общеобразовательный курс анатомии в целом объективен, и все-таки, к сожалению, он не освещает вопрос о персон-маркерах всесторонне. Между тем вживление этой микроскопической, но немаловажной детали в человеческий организм следует приравнивать к очередному витку эволюции. Громадному витку, не побоюсь этого слова. Лишь с появлением персон-маркеров окончательно исчезли последние отголоски дикой эры Сепаратизма. Чудо генной инженерии, персон-маркер есть не что иное, как биологический микрокомпьютер. Этакий регистрационный номер гражданина в Едином Информационном Пространстве, передающийся по наследству от родителей к детям. Наши персональные данные, психологический портрет и кредитоспособность с некоторых пор открыты, причем данные эти регулярно обновляются и дополняются. Посредством персон-маркера мы автоматически даем информацию о себе всем заинтересованным лицам или же сами можем получить так называемое виртуальное досье на любого заинтересовавшего нас человека. С утверждением закона об обязательном наличии персон-маркера человечество искоренило тайну личности. И неудивительно, что тысячелетний обычай интересоваться при встрече здоровьем быстро канул в Лету…

– Поэтому вы и удивили меня, когда вспомнили о нем в то утро, – заметил я.

– Да, верно… Но, разумеется, в заслугу персон-маркеру надо ставить не искоренение этой хорошей привычки. Благодаря ему буквально за несколько лет уровень преступности на планете упал практически до нуля. Этому также способствовало множество других факторов – повышение социальных гарантий и благ, но не о них сейчас речь. Нарушившим закон стало просто некуда деваться – у них отобрали все надежды на спасение. Даже отказ носить инфоресивер не мог уберечь преступника от всевидящего ока маршалов – сканеры персон-маркеров установлены повсюду. Да и что давал этот отказ? Даже чашку кофе в автосэйлере не купить, не говоря об остальном – запертые двери, закрытый инскон, заблокированный доступ в «Серебряные Врата»… Современный преступник лишен всего, даже возможности смотреть в глаза людям – его легко опознает любой встречный. В общем, пришедший на смену старой системе правосудия институт маршалов полностью контролировал каждого гражданина Земли. И пусть поначалу кому-то это виделось ущемлением демократических свобод, но таковой являлась плата за жизнь в действительно цивилизованном мире. Мире без войн, насилия, обмана и прочих пережитков древности… И это был-таки неплохой мир, капитан Гроулер. Он держался на маршалах, и вот теперь, похоже, его несущая опора рухнула.

Наум Исаакович горестно вздохнул.

– И что, утрата контроля над персон-маркерами так легко подкосила эту опору? – недоверчиво спросил я. Дядя Наум предпочел не отвечать прямо на поставленный вопрос, а почему-то вернулся к давно не затрагиваемой нами теме:

– Кэрри уже поведала мне о ваших всемирно известных грехах, молодой человек. Многие предрекали вам попадание в Красный Список и пожизненную изоляцию в Антарктиде. К счастью, справедливость восторжествовала: вы не переехали в Антарктиду и не испытали

на собственном опыте все прелести закона о Списках. Могу догадываться, что вы чувствовали в тот момент – мне ведь тоже довелось побывать в шкуре правонарушителя.

– Каролина как-то упоминала об этом, – подтвердил я, заерзав в нетерпении. Не иначе, Кауфман решил не дожидаться расспросов и утолить мое любопытство без напоминаний.

Но Наум Исаакович ожиданий не оправдал.

– Возможно, на днях я расскажу вам, как дошел до такой жизни, – отмахнулся он. – Но пока просто примите к сведению: вы общаетесь с человеком из Желтого Списка, которому, в отличие от вас, на оправдание рассчитывать – увы! – не приходилось. Так вот, когда мои противоречия с маршалами достигли апогея, я задался целью изучить закон о Списках поподробнее, но, к своему удивлению, ничего, кроме общеизвестных положений, не обнаружил. Меня же в первую очередь интересовал механизм исполнения данного закона. Концентрационная зона в Антарктиде существует века, и пусть сегодня в Красный Список заносят единицы, эти люди собираются на ледяном континенте со всей планеты, так что народу там проживает порядочно. Продукты и жилье ссыльным предоставляются, однако вряд ли этого достаточно для комфортного обитания среди льдов, вдали от цивилизации. Я не верю, что ссыльными Антарктиды ни разу не предпринимались попытки побега; история не раз доказывала, что для целеустремленного человека океан – явно не достаточная преграда на пути к намеченной цели. Или попытки массовых бунтов – их тоже нельзя исключать. Неужели, думал я, бунты пресекаются при помощи оружия? Маршал, применяющий физическое насилие к человеку, – это же радикально противоречит их основополагающему принципу! Скрывать подобное беззаконие веками попросту невозможно. Не знаю, как вы, а лично я верю в порядочность маршалов. Нет, решил я, все должно быть гораздо проще. Персон-маркер – вот основной маршальский инструмент воздействия на непокорных. Кто сказал, что система слежения и идентификации не может одновременно выполнять другие функции? Об этом не распространяются, но поверьте – маршалы вовсю пользуются лазейкой в наш мозг, иначе на чем еще базируется их сила? Мы и на пять процентов не знаем всех возможностей маршалов. Персон-маркер – их главное оружие: мощное и при этом абсолютно гуманное. И о том, что сегодня оно пришло в негодность, я сужу по происходящим в центре беспорядкам. С годами маршалы настолько уверовали в свое могущество, что постепенно перестали рассматривать возможность вспышек массовых бесчинств. Бессилие маршалов объясняется не сбоем в работе «Серебряных Врат» или гуманными методами работы. При угрозе тотального хаоса дозволено поступаться любыми принципами, ибо бездействие властей в такой ситуации куда непростительнее, чем излишняя строгость. Это не мои выводы, молодой человек, почитайте историю. Причина бессилия маршалов элементарна – их крайне мало, а количество недовольных граждан столь огромно, что вставать у них на пути теперь просто смешно – затопчут и не заметят.

Сидевшая с нами и молчавшая до сего момента Каролина зябко поежилась, но точно не от холода – печь на кухне Кауфманов жарко пылала.

– И что теперь будет? – поинтересовалась Кэрри упавшим голосом. Впервые я видел ее такой неуверенной и подавленной.

– Хотелось бы, конечно, молодые люди, утешить вас каким-нибудь оптимистическим прогнозом, но вам я лгать не хочу, – огорченно развел руками Наум Исаакович. – И все же не будем терять самообладание и подождем еще немного. Надеюсь, уже скоро мы с вами дружно посмеемся над нашими сегодняшними страхами.

– А если… – начала было Кэрри, но отец не дал ей договорить:

– А на случай, если станет совсем плохо, мы заручимся поддержкой нашего друга, капитана Гроулера. Полагаю, с ним мы можем чувствовать себя в безопасности.

Дядя Наум мне откровенно льстил. Вряд ли на самом деле он считал, что я окажусь для его семьи надежной защитой от надвигающейся стихии. Отец просто-напросто утешал дочь.

Кэрри уныло покосилась на меня и ничего не сказала. Она не была наивной, чтобы верить в подобные утешения. Но, дабы не расстраивать отца, сделала вид, что поверила.

Я также промолчал, не высказав вслух трезвую оценку собственным возможностям. Гроулер не всесилен, однако во всем этом вселенском бардаке у него наконец-то появилась цель. Выполнимая или нет – неизвестно, но безусловно достойная. А за достойную цель не грех и побороться.

Беженцы продолжали прибывать, будоража наш мегарайон все новыми ужасающими слухами. Кочующие по округе истории не блистали разнообразием. В основном в них рассказывалось о взбесившихся фиаскерах, объединившихся в банды и поделивших между собой центр на территории, в каждой из которых заправляла какая-либо из банд. О маршалах было известно лишь то, что они словно в воду канули.

Один из беженцев, когда-то проживавший неподалеку от местной штаб-квартиры маршалов, так называемой Пирамиды, рассказывал и вовсе ужасающие вещи. Он якобы не так давно наблюдал, как огромные фиаскерские банды, озверевшие от голода и опустевших авторaздатчиков глюкомази, брали штурмом белокаменную Пирамиду – убежище своих главных врагов, ранее преследовавших фиаскеров за малейшие правонарушения. Нервно-паралитические стифферы – единственное оружие самообороны, что дозволялось иметь маршалам, – было столь же эффективно против орды нападавших, как волнорезы против цунами. Фиаскеры ворвались в ворота штаб-квартиры на одном из ярусов, сметая все на своем пути. О том, что творилось затем внутри Пирамиды, свидетель мог лишь догадываться. Он не стал дожидаться развязки штурма, предпочтя сбежать оттуда подальше.

Особняком во всем этом бедламе держались хилеры – сообщество чудаков, не доверявших всемирной фармакологической системе «Панацея» и продолжавших практиковать старинные методы лечения. Закон был терпим к хилерам, чей девиз «Не навреди!» говорил о крайней гуманности этой неофициальной всемирной организации. Раньше хилеры брались лечить лишь добровольцев, доверивших им свои жизни, но сегодня их умение оказалось востребовано как никогда. И фиаскеры, и остальные граждане, даже те, кто сроду не доверял сомнительным хилерским процедурам, тянулись со своими бедами к хилерам. Они же – люди высоких моральных принципов – помогали всем без исключения, и поэтому их не обижали даже самые отмороженные фиаскеры.

Все становилось в мире с ног на голову. Или же наоборот – занимало свои законные места…

Из дошедших до нас обрывков сплетен складывалась удручающая картина. Люди бежали из адского центра куда глаза глядят. Беженцев совершенно не волновали трудности кочевой жизни. По мнению испуганных людей, хуже проблем, чем уже пережитые, в природе быть не могло. Сегодня в пылающем сердце гигаполиса вольготно жилось тем, кто раньше ютился по трущобам, вращался только в своем кругу и страшился закона, как огня. Причины, всколыхнувшие, казалось бы, апатичное ко всему сообщество фиаскеров, были элементарны: лентяи, привыкшие кормиться лишь за счет социального обеспечения, не на шутку встревожились, когда в одно прекрасное утро их кормушки оказались пусты, а главное средство проведения вечного досуга – «Серебряные Врата» – кануло без следа. К тому же, как уже упоминалось, авторaздатчики легализованного наркотика, глюкомази, перестали снабжать глюкоманов. Учитывая количество любителей бесплатного средства для обретения мнимого счастья, истощение его источника носило характер стихийного бедствия.

Лишенные цели существования, в поисках пропитания и развлечений на улицы высыпали озлобленные фиаскеры. А там и без них царила полная неразбериха. Беспомощность маршалов только подстегнула фиаскеров к беспределу. Лидеры банд почуяли за собой реальную власть и, подобно вцепившемуся в кость псу, уже не собирались терять внезапно обре-

тенное могущество. Их поведение было вполне предсказуемо. Обилие рвущихся к власти лидеров неизбежно порождало такую изрядно подзабытую проблему, как Сепаратизм со всеми вытекающими. Мне было нелегко поверить во все услышанное, но других слухов до нас не доходило.

Окончание периода блаженного неведения ознаменовалось для нас знакомством с беженцем, которого Кауфманы однажды позвали к себе на ужин. Наум Исаакович, ранее не приглашавший гостей, в тот вечер поступился принципами, и не потому, что вдруг ни с того ни с сего исполнился сострадания к беженцам. Я давно усвоил: если убежденные прагматики наподобие дяди Наума и проявляют сострадание, то исключительно ради личного интереса. Так было со мной, когда Кауфманам потребовалось заручиться на будущее моей поддержкой, так случилось и с этим человеком – контролером, как выяснилось, находившимся на посту в последние часы существования Привычного Старого Мира.

Прослышав краем уха о новом беженце, Кауфман не поленился обежать окрестности и отыскать место, где тот, изможденный многодневным пешим переходом, расположился на отдых. Новоприбывшие обычно не надоедали аборигенам, напрашиваясь на постой, а собирались неподалеку от стоянки ботов инстант-коннектора. Уже наученные кое-каким жизненным урокам, беженцы больше не нуждались в рекомендациях по выживанию. Они ночевали в мягких креслах ботов, оттащив их под трубопровод инскона, дабы укрыться от зачастившего в последнее время дождя. Там же, под магистралью, гости из центра и обитали, обустраиваясь каждый в меру собственной фантазии. Иногда им помогали продуктами, но обычно они просили лишь огонь, навык пользования которым был усвоен ими в горящем центре. Кто-то из беженцев делал у нас лишь временную остановку и, передохнув, отправлялся дальше – искать более приемлемые условия для пережидания кризиса. Но большинство гостей оставались надолго, отстроив из шарообразных ботов маленькое поселение, издалека напоминающее яйцекладку доисторического дракона. Эта группа переселенцев надеялась пережить суровые времена неподалеку от родных мест, и их надежды были родственны нашим.

Гость Наума Исааковича принадлежал к первой категории беженцев и собирался уже на следующий день двинуться в дальнейший путь. Естественно, что перед трудной дорогой он не отказался от небольшого пира, плату за который дядя Наум назначил справедливую – гостеприимный хозяин пожелал выслушать подробную историю о том, что случилось в то знаменательное утро. Я также был любезно приглашен на пир в качестве второго почетного гостя. Узнав во мне широко известного реалера, беглый контролер слегка смутился, но горячая и изысканная по нынешним меркам пища вскоре истребила это смущение на корню.

Обглодав сочные куриные ножки, исхудалый беженец отплатил за угощение сполна. Мы слушали его не перебивая, а Кауфман даже производил по ходу рассказа какие-то записи в антикварном блокноте таким же антикварным карандашом. Исходя из того, что бережливый сосед осмелился испачкать пометками бесценную бумажную реликвию, я сделал три вывода: либо он не в себе, либо озадачился какой-то грандиозной идеей, либо то и другое вместе. Я забеспокоился по поводу душевного самочувствия дяди Наума, но поскольку Каролина беспокойства не проявляла, значит, все было в порядке. Впрочем, психическое здоровье кровожадной дочурки Наума Исааковича, выпотрошившей сегодня очередную курицу, тоже следовало бы поставить под сомнение, причем еще в первый день нашего знакомства. Говоря по правде, за обоими чудаками Кауфманами нужен был глаз да глаз.

Беженец оказался воспитанным человеком. Отужинав и обстоятельно ответив на все вопросы, он вежливо отблагодарил хозяев и поспешил удалиться. Дядя Наум не стал предлагать гостю ночлег, хотя было уже далеко за полночь. Вместо этого Кауфман собрал ему в дорогу немного провизии.

Я тоже хотел после сытного ужина отправиться домой – на обсуждение последних новостей попросту не осталось сил – и уже вышел за порог, однако Кауфман выскочил следом за мной во двор, прикрыл входную дверь, вставленную им обратно на следующий день после взлома, и попросил меня задержаться.

– Глаза слипаются, Наум Исаакович, – устало запротестовал я. – Давайте уже до завтра дела отложим. Что изменится за ночь? Ну разве еще одна-две семьи из города прибегут.

– Никакого «завтра»! – отрезал дядя Наум, произнеся это почему-то шепотом и с оглядкой. – У меня есть к вам важный и секретный разговор. Я сказал Кэрри, что немного покопаюсь перед сном в мастерской, поэтому идемте туда.

– Секретный разговор? – переспросил я, направляясь за соседом в самое загадочное крыло его особняка. Туда он меня еще ни разу не водил. – От кого секретный? Дядя Наум, вы начинаете меня пугать.

– Тс-с! – цыкнул он, приложив палец к губам. – Нельзя, чтобы нас услышала Каролина. Это типично мужское дело, и ей о нем знать не положено.

– Вот оно как! – удивился я, послушно переходя на шепот. – А я-то думал, у вас с дочерью нет друг от друга тайн. И что за дело?

– Одну минуту, молодой человек. Имейте терпение…

Всегда считал, что хранилище антиквариата называется музеем, а не мастерской. Обилие развешанных по стенам железных инструментов здесь не просто поражало, но даже настораживало. О предназначении некоторых реликвий можно было догадаться без труда – я даже обнаружил набор маленьких молотов, очень похожих на тот, что служил гербом моей команды, – но большинство загадочных приспособлений никаких ассоциаций не вызывало. Убранство мастерской дяди Наума куда удачнее вписалось бы в доисторическую камеру пыток, чем в жилище современного пенсионера. Не будь я хорошо знаком с добряком Кауфманом, при виде его коллекции древностей непременно решил бы, что на самом деле он – отъявленный садист, чьи болезненные наклонности не были выявлены в юности всевидящей системой Психооценки. Ну, правда, очень аккуратный садист, тщательно отмывающий кровь с пола и пыточных инструментов после каждой оргии.

Не все убранство потайной комнаты Наума Исааковича находилось на виду, кое-что было скрыто под брезентом. В частности, едва ли не четверть полезной площади занимала крупная конструкция, сравнимая габаритами с многоместным ботом инстант-коннектора. Конструкция вызвала во мне живой интерес: в хозяйстве прагматичного соседа бесполезных изобретений не имелось в принципе, но для чего предназначался сей громоздкий аппарат, было неясно. Выведать это было необходимо хотя бы для расширения собственного кругозора, который после знакомства с Кауфманом у меня и без того весьма расширился. Вдобавок я обнаружил, что одна из стен мастерской – вовсе не стена, а плохо замаскированные ворота, выходящие на прибрежную долину. Это лишь усилило мое любопытство, поскольку ворота были сооружены явно по размерам спрятанной под брезентом конструкции. Учитывая тягу хозяина к антиквариату конца эры Сепаратизма, я пытался определить, что же хранилось у дяди Наума в мастерской.

Пока я разглядывал убранство, Кауфман аккуратно притворил дверь, занавесил окна и убавил яркость лайтеров, дабы не привлечь нежелательных ночных визитеров. После этого он пододвинул мне единственный стул, а сам уселся на полимерный контейнер, маркированный непонятными символами. Прежде чем начать разговор, дядя Наум долго собирался с духом: прокашливался, морщил лоб, прицокивал языком, хрустел пальцами… Из уважения к старшему я не торопил соседа, хотя чертовски не терпелось узнать, что же подразумевает под мужским разговором этот готовый ко всем перипетиям судьбы хитрец.

– Капитан Гроулер, крайне неловко просить вас о столь небезопасных услугах, – исполнился наконец решимости Наум Исаакович, – но мне просто не к кому больше обратиться.

– Задумали кого-нибудь убить? – мрачно пошутил я.

– Эх, если бы все было так просто… – озадаченно потер переносицу Кауфман. По его тону нельзя было определить, отшучивается он или говорит серьезно. – Работа нам предстоит тяжелая и рискованная, поэтому, если откажетесь, я таки вас пойму…

– Ладно, заканчивайте церемонии, – проворчал я. – Вы и Кэрри – мои друзья, а друзьям я готов помочь безо всяких вопросов. Чем займемся на этот раз?

– Мы с вами поедем в центр…

И дернул же меня черт полтора месяца назад зайти к добросердечным Кауфманам на угощение! Слабовольный неосмотрительный Гроулер! Стыд и позор: поддался искушению жареной курицей! Нет бы лежал в своей норе, давился теплым пивом и безвкусными полуфабрикатами да поплевывал в окно от избытка свободного времени! Забыл старинную присказку: «Коня в гости зовут не мед пить, а воду возить»? А еще решил широту души продемонстрировать: «Друзьям помогаю без вопросов!» Вот теперь стисни зубы и помогай, раз сам напросился.

Поедем в центр!.. Месяц назад подобная фраза звучала более чем обыденно, а сам путь до центра отнял бы у меня минут пять-шесть. Никто и не предполагал, что наступит время, когда центральный мегарайон превратится в нечто труднодостижимое, наподобие марсианских рудников, а простенький глагол «поехать» станет таким же фантастическим, как «левитировать» или «телепортироваться». И вообще, в мире, где транспорт давно лишился колес и интегрированных двигателей и мутировал в Единую Транспортную Сеть, по земле ездили лишь служебные модули, преодолевающие небольшие расстояния. Так что слова Кауфмана «поедем в центр» резанули мне слух еще и своим неправдоподобием.

– Какого дьявола вас, разумного человека, потянуло в этот проклятый центр? – не скрывая раздражения, полюбопытствовал я. – Нет, я, конечно, не против устроить небольшую прогулку – сам уже почти рехнулся от тоски, – только замечу, что из всех маршрутов вы выбрали самый неудачный. И на чем вы собрались туда ехать? Придумали, как активировать местную магистраль?

– Разумеется, мы с вами едем в центр не на прогулку. – Судя по интонации, Наум Исаакович немного обиделся на мою грубость. – Просто сегодня вечером после разговора с любезным контролером я решил попытаться помочь Макросовету разрешить этот чересчур затянувшийся кризис.

Вот так: просто и обыденно, словно само собой разумеющееся. Посторонитесь, господа контролеры, Наум Кауфман из Западной Сибири идет…

– Вас посетило озарение? – стараясь сохранять серьезность, спросил я.

– Вовсе нет. Чтобы суммировать факты, мне не нужно озарение. И не смотрите на меня как на выжившего из ума: я действительно мог бы попробовать помочь правительству. Я уже рассказывал вам о своем прапрадедушке по отцовской линии?

– Обмолвились как-то однажды, – припомнил я. – Вроде бы он участвовал в создании нашего исчезнувшего виртомира.

– Верно, – подтвердил дядя Наум. – Ему действительно довелось приложить к этому руку и поработать в команде с воистину гениальными людьми. Пусть на подхвате, но довольно долго. А о хобби моего дедушки я вам не рассказывал?

– О хобби – нет. Но, зная вашу семью, могу предположить, что это должно быть нечто экзотическое.

– И да, и нет, – поморщился Кауфман. – Мой предок вел дневники, очень подробные. В них он размышлял о том, чем занимался, и о том, как все это изменит мир его потомков.

– Наверное, очень полезные материалы, – согласился я. – Было бы любопытно ознакомиться. Жаль, что сегодня из-за сбоя этих проклятых «Серебряных Врат» нам не добраться до вашего семейного архива.

– Добраться до него еще легче, чем принести из реки воды, – улыбнулся дядя Наум. – Да будет вам известно, что я на нем сейчас сижу.

И он постучал ладонью по контейнеру, который использовал в качестве стула.

– А, да, забыл! – спохватился я. – Во времена вашего прапрадедушки пользовались внешними кристаллическими накопителями! Я видел оборудование, на которых они читались, – в музее, рядом с патефонами, плазменными панелями и прочей бытовой техникой эры Сепаратизма.

От моих слов улыбка Кауфмана стала еще шире.

– Не угадали, молодой человек, – сказал он.

– Меня так часто били по голове, дядя Наум, что память уже совершенно ни к черту, – признался я. – Что там еще в те века было-то? Лазерные диски? Ферромагнитная лента? Виниловые пластинки?

– Записи на бумаге! – не без гордости сообщил Наум Исаакович. – Целый сундук записей! Все упорядочено по датам и очень доходчиво истолковано. Правда, почерк у дедули был не очень, но разобрать можно.

Он соскочил с контейнера, открыл его и протянул мне первую попавшуюся под руку реликвию – пожелтевшую от времени тетрадь.

– Теперь понимаю, чьих генов вам досталось больше всего, – заметил я, листая древние страницы, покрытые мелким убористым почерком. – Ваш блокнотик и карандаш – тоже небось дедушкино наследство… Так какое отношение ваш дедушка имеет к нашей проблеме?

– Самое прямое! – Глаза Кауфмана загорелись, как у одержимого. – Помимо мемуаров записи прапрадедушки хранят в себе столько практической информации о его работе, что историческую ценность этих рукописей и представить сложно. Раньше я не занимался плотно их изучением, но сегодня покопаться в них мне, как говорится, сам бог велел. К тому же дедуля собирал кое-какую литературу древности по истории зарождения «Серебряных Врат». Эти книги он также счел необходимым сохранить. Половина сундука – как раз они и есть. Опираясь на эти знания, молодой человек, можно раскрыть множество тайн современности. В том числе и тайну нашего кризиса.

– Неужели вы хотите сказать, что раскрыли ее? – затаив дыхание, спросил я.

– Конечно, нет, – с сожалением проговорил Кауфман. – Для этого недостаточно простого изучения архивных материалов. Для начала мне следует попасть на терминал удаленного доступа в Закрытую правительственную зону. А он, как вы, наверное, помните, расположен в Западно-Сибирской штаб-квартире маршалов.

– Чем сроду не интересовался, так это где у нас в округе лазейка в Закрытую зону. И что же вы намереваетесь предпринять, когда доберетесь до терминала в Пирамиде? Отвоевать его у фиаскеров, которые якобы теперь там хозяйничают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.